Инв. 6652 Ч Вопросы
Опис. 1385 80
Сомнов № 4041 96. 71
Смирдин № 8785
Рогожников 1855 ст. 378, № 7

Предисл.

Вся принадлежит этой книге сгорела в 1812 г. см. Гениди и Русский книжный рынок" № 115 и.

Кн. Оленский

По каталогу Гента, № 3616, 8 р.

№ 1990.
Э37 1/118
кп
о.и.к. 4й
рд 3г/55

ЖИЗНЬ
ЗНАМЕНИТАГО
АСТРАХАНЦА,

или

Странныя приключенія *Улабира*, сына одного богатаго Мурзы, извлеченныя изъ его записокъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БИБЛІОТЕКА
Д. Д. и В. И. РОГОЖНИКОВЫХ

ВЪ МОСКВѢ,
У книгопродавца *ИВАНА ГОТЬЕ* на Никольской, подъ №. 3мъ.

1811.

№ 80

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Сентября 24 дня, 1809 года. По назначенію Ценсурнаго Комитета, при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ Докторъ Философіи и свободныхъ Наукъ

СЕМЕНЪ ИВАШКОВСКІЙ.

Гос. Истор. Науч. Б-ка
РСФСР
Инв. № 288637
„11" IV 1937 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ЧАСТЬ Iя.

Предварительное замѣчаніе. Стр. 1.

ГЛАВА I. Дѣтскіе мои года и воспитаніе. Стр. 15.

ГЛАВА II. Вступленіе мое въ службу и странныя приключенія. Стр. 55.

ГЛАВА III. Вторичное вступленіе мое въ службу. Бракъ товарища ученія моего Гна Б. Отъѣздъ мой къ родителю моему. Возвращеніе въ Петербургъ. Стр. 163.

БИБЛІОТЕКА
Д. Ф. и В. Н. РОГОЖИНЫХЪ.

ЖИЗНЬ
ЗНАМЕНИТАГО
АСТРАХАНЦА.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ.

Я любилъ записывать всѣ свои приключенія. Охота къ сему упражненію произвела небольшое сіе сочиненіе, которое, ежели не имѣетъ отличнаго достоинства, то по крайней мѣрѣ окажетъ

удивительную нить произшествій, доставившихъ мнѣ благополучную жизнь. Сверхъ сего нѣкоторыя изъ нихъ должны увѣрить молодыхъ людей, что время, проведенное ими въ наукахъ, служитъ лучшимъ средствомъ къ отвращенію скуки, сопутствующей насъ въ жизни. Кто возможетъ предвидѣть будущее? Кто предусмотритъ, или отвратитъ бѣдствія, обременяющія большую часть людей? Сія основательная причина заставляетъ насъ заранѣе пріобрѣтать тѣ свѣде-

нія, которыя въ случаѣ превратностей могли бы намъ доставлять нѣкоторое утѣшеніе.

Я родился въ 26мъ году осмнадцатаго столѣтія. Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ почувствовалъ большую склонность къ наукамъ. Въ теченіи жизни моей изпыталъ я много такихъ приключеній, которыя благоразумному читателю принесутъ пользу и послужатъ ему лучшимъ средствомъ къ облегченію ежедневныхъ неудовольствій,

встрѣчающихся въ жизни каждаго человѣка.

Отецъ мой, бывшій въ Россійской военной службѣ съ 1680 году, оказалъ многія отечеству своему услуги. Хотя происходилъ онъ отъ предковъ, составлявшихъ прежде особенный народъ; но, принявъ Христіянскій законъ, сталъ онъ болѣе уважать и почитать Россіянъ, нежели собственныхъ своихъ соотечественниковъ. Впрочемъ, большая часть нашего отечества хранитъ особенную привер-

женность къ Россійскому Государству, доставляющему ей такія выгоды, какихъ бы она при своихъ правахъ не могла имѣть никогда.

Родитель мой находился во многихъ у Россіянъ со Шведами сраженіяхъ. Онъ былъ любимъ вышними начальниками, и многими изъ нихъ облагодѣтельствованъ. Продолжительная служба, раны и полученной имъ въ 1710мъ году чинъ Маіора понудили его идти въ отставку. Въ 1711мъ году выѣхалъ онъ изъ

Петербурга и отправился въ свои помѣстья.

Люди, пріобыкшіе къ обыкновеннымъ въ жизни человѣческой обстоятельствамъ, станутъ, можетъ быть, удивляться и невѣрить моимъ приключеніямъ; но я предувѣдомляю ихъ, что всѣ, представленныя въ сей книгѣ произшествія, въ самомъ дѣлѣ случились почти такъ, какъ онѣ въ ней описаны. Въ разсужденіижь особъ, упоминаемыхъ мною, не нашелъ я за нужное объявить, настоящія

ихъ имена, также и собственное мое. Какая читателю въ этомъ нужда? Впрочемъ, ежели скажутъ мнѣ, для чего жь назвалъ я книгу свою Исторіею? То я не буду въ семъ настоять и соглашусь назвать ее иначе; только не романомъ: ибо все описанное въ ней произошло въ самомъ дѣлѣ. Пускай останется она *Жизнію Знаменитаго Астраханца.* Я приступаю къ моему повѣствованію.

Въ окрестностяхъ Астрахани, въ недальнемъ раз-

стоянїи отъ сего города, возвышался древнїй замокъ, превышавшїй обширностью и великолѣпїемъ своимъ прочїя сосѣдственныя зданїя. Величественная Волга протекала чрезъ принадлежавшїя къ нему дачи. Множество купеческихъ суденъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и разными товарами, покрывали поверхность ея водъ и возвѣщали процвѣтавшую коммерцїю. Великое число торговыхъ людей наполняли наше селенїе, и производили въ немъ различные торги. Промышленность съ

давнихъ временъ процвѣтала въ сей странѣ. Народы, живущіе подъ державою Россіи, благословляютъ своего Монарха и хвалятся своимъ состояніемъ, заслуживающимъ въ самомъ дѣлѣ единодушнаго одобренія. Такъ древлѣ, подъ управленіемъ Великихъ Государей, подданные начинали вкушать благоденствіе жизни, и съ онымъ вмѣстѣ возникали разныя искусства и науки, долженствовавшія прославлять своихъ благодѣтелей и возносить похвалами своихъ изобрѣтателей!

Въ семъ замкѣ произведенъ былъ я на свѣтъ; получилъ отличное воспитанїе и жилъ до осмнадцати-лѣтняго моего возраста. Всегда съ большею прїятностью любимъ мы разговаривать о мѣстѣ нашего рожденїя; съ большимъ услажденїемъ сердца взираемъ на свидѣтелей дѣтскихъ нашихъ лѣтъ. Самыя бездушныя вещи, воспоминаемыя нами въ совершенномъ возрастѣ приносятъ ощутительное намъ удовольствїе. Кто безъ сердечнаго движенїя слышитъ о томъ многолѣт-

немъ дубѣ, который видѣлъ его предковъ? Если я не ошибаюсь, то душевное это чувство обнаруживаетъ намъ нѣчто великое, могущее посрамлять легкомысленныхъ и высокопарныхъ мудрецовъ.

Родитель мой былъ человѣкъ основательнаго свойства, проницательнаго ума и пылкаго духа. Онъ имѣлъ нарочитыя свѣденія въ военномъ искусствѣ. Находясь уже въ семъ званіи, выучилъ онъ Французской, Нѣмецкой и Шведской языки. Говорилъ

на всѣхъ оныхъ довольно хорошо и читалъ множество книгъ. Просвѣщеніе считалъ онъ второю жизнію человѣка.

Геній Россовъ, начавшій тогда изторгать народы свои изъ грубаго невѣжества и привлекшій уже множество ученыхъ въ предѣлы свои, возжегъ въ моемъ родителѣ непреоборимую склонность къ наукамъ и понудилъ его, среди воинскаго шума, упражняться въ нихъ.

Я имѣлъ случай неодно-

кратно замѣчать, что разговоръ объ ученыхъ предметахъ приводилъ отца моего въ восхищенїе. Онъ слушалъ съ особеннымъ удовольствїемъ и вниманїемъ всѣ тѣ разговоры, кои относились къ новымъ планамъ народнаго просвѣщенїя. Можно утвердительно сказать, что въ его времена было уже много такихъ людей, кои ревностно стремились вводить въ общество искусства и науки.

Посмотримъ теперь, какъ благодѣтельная природа вспо-

моществовала усердію моего родителя, и какъ данныя ею мнѣ способности служили въ послѣдствіи времени щитомъ, защищавшимъ меня отъ всѣхъ тѣхъ душевныхъ недуговъ, которые столь сильное имѣютъ вліяніе на жизнь человѣческую, и которые столь часто производятъ величайшія бѣдствія.

ГЛАВА I.

Дѣтскіе мои года и воспитаніе.

Что можетъ сравниться съ картиною счастливаго дѣтства? Какая эпоха въ жизни представитъ толь прелестное и невинное зрѣлище? Развивающіяся наши способности показываютъ намъ нѣчто божественное. Глубокомысленный человѣкъ усматриваетъ въ семъ возрастѣ много такихъ плѣнительныхъ пред-

метовъ, какихъ не находитъ онъ ни въ знатномъ состоянїи, ни въ блистательныхъ обществахъ; развѣ только тамъ, гдѣ уже истинное благочестїе сїяетъ въ полномъ своемъ блескѣ.

Я обязанъ родителю моему за особенное старанїе его о моемъ воспитанїи. Мать моя, произведя меня на свѣтъ, была въ полномъ здравїи, и болѣе года сама кормила меня грудью. Въ теченїе сего времени отецъ мой ѣздилъ въ Москву искать мнѣ хорошую

надзирательницу. Не нашедъ въ семъ городѣ такую женщину, какую желалъ имѣть, отправился въ Петербургъ, и жилъ тамъ около года. Наконецъ, благопрїятствующїй случай доставилъ ему то, чего онъ желалъ. Съ нѣкотораго времени, жившая въ Петербургѣ Англичанка, имѣвшая одного сына и двухъ дочерей, склонилась на предложенїе родителя моего, обѣщавшаго ей давать ежегодно знатную сумму. Такимъ образомъ возвратился родитель мой къ намъ въ замокъ съ сею ино-

странкою и ея дѣтьми. На второмъ году моего возраста отдали меня ей въ смотрѣніе.

Англичанка сія, Гжа. Б., была женщина свѣдущая. Она говорила довольно хорошо на разныхъ языкахъ, видѣла свѣтъ, и въ скоромъ времени пріобрѣла къ себѣ любовь отъ всѣхъ нашихъ домашнихъ. Едва началъ я говорить, какъ сталъ уже разумѣть по Англійски и, будучи еще четырехъ лѣтъ, понималъ столько же хорошо языкъ надзирательницы мо-

ей, сколько и собственной свой. Отецъ мой не говаривалъ никогда при мнѣ на древнемъ нашемъ нарѣчіи, которое было чистое Татарское, и пренебрегалъ нѣсколько имъ. Но я, въ послѣдствіи времени, узнавши безъ большаго труда много разныхъ языковъ, не преминулъ также выучиться и древнему сему нарѣчію, и разговаривалъ всегда на ономъ съ моими соотечественниками. Во всякомъ знаніи люди бываютъ нѣкоторымъ образомъ подобны богачамъ, желающимъ всегда новыхъ прі-

обрѣтеній; чѣмъ болѣе мы знаемъ, тѣмъ болѣе еще хотимъ знать. Хотя похвально пріобрѣтать новыя познанія, однако внутреннее сіе побужденіе доказываетъ намъ ясно, что человѣкъ родится въ сей міръ для безпрестаннаго изученія, и что цѣлый свѣтъ не въ силахъ удовлетворить душевнымъ его желаніямъ.

Гжа. Б., занимаясь образованіемъ юношескихъ моихъ лѣтъ, вліяла въ меня пристрастіе къ Англійской сло-

весности, и хотя сначала читывала она мнѣ только такія книги, которыя соотвѣтствовали тогдашнему моему возрасту; со всѣмъ тѣмъ получилъ я склонность къ той нравственности, которая обыкновенна Англичанамъ.

Англичане имѣютъ обыкновеніе въ каждой праздникъ читать библію. Она переведена на ихъ языкъ съ большею ясностію. Мало найдете вы на Англійскомъ языкѣ сочиненій, которыя были бы такъ старательно обработаны.

Книга сїя, исполненная божественнаго огня, возвышаетъ столько же умъ простотою повѣствованїя своего, сколько и высокою своею нравственностїю. Нигдѣ нельзя найдти такого изобильнаго наставленїя; нигдѣ не найдете вы такой чистой и непоколебимой Философїи; нигдѣ здравой разсудокъ не обрѣтетъ такой питательной себѣ пищи, такого дѣйствительнаго средства къ прїумноженїю умственныхъ нашихъ силъ, и къ обращенїю

стремленія ихъ къ Вышнему Существу, отъ Коего произтекаетъ обильный источникъ разума и понятій.

Безпрестанное и общее чтеніе сей книги всѣмъ Англичанамъ впечатлѣваетъ въ умы ихъ сіи изящныя правила, которыя удобно они находятъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Души ихъ, укрѣпляемыя небесною сею манною, ежедневно получаютъ новыя силы, пріумножаемыя новымъ чтеніемъ и новыми размышленіями. Чѣмъ болѣе разумъ нашъ напитываетъ-

ся нравственными правилами, тѣмъ болѣе и глубокомысленнѣе начинаетъ онъ дѣйствовать и здраво разсуждать.

Я провелъ съ Гжею Б. все время до шести-лѣтняго моего возраста. Въ теченіи онаго успѣлъ я выучиться довольно хорошо по Англійски; узналъ имена славныхъ писателей сего народа: Шекспиръ, Мильтонъ, Дриденъ, Гервей прежде всѣхъ сдѣлались мнѣ знакомы. Однако отецъ мой, любившій читать также Россійскія кни-

ти, не преминулъ познакомить меня довольно рано съ именами Царевны Софіи, Ѳеофана Прокоповича, Князя Кантемира и прочихъ Россійскихъ авторовъ.

Родитель мой, видя меня шести уже лѣтъ, почелъ за нужное начать воспитаніе мое классическимъ порядкомъ. Въ слѣдствіе чего, не имѣвъ въ окружности такихъ знакомцевъ, съ которыми бы могъ посовѣтоваться о семъ предметѣ, призвалъ онъ къ себѣ приходскаго священника, къ сча-

стію моему, ученаго и весьма честнаго человѣка. Почтенный сей пастырь объяснилъ родителю моему, что надлежало сперва выучить меня читать и писать по Руски, изтолковать катехизисъ и священную Исторію. — Какъ? Возразилъ отецъ мой. Я человѣкъ богатой и въ силахъ принять къ себѣ иностраннаго учителя, могущаго обучать сына моего тѣмъ наукамъ, которыя употребительны въ большомъ свѣтѣ. — Вы можете все это сдѣлать отвѣчалъ кротко священникъ;

но знанїе иностранныхъ языковъ не уйдетъ отъ вашего сына. Сверхъ того, онъ говоритъ уже нѣсколько по Англїйски и по Французски, да и рано еще препоручать его знающему иностранцу, долженствующему наставлять его въ вышнихъ наукахъ. Рѣдко встрѣчаются въ Россїи истинно-просвѣщенные иностранцы, а ежели когда и попадаются такїе, то не иначе можно ихъ имѣть, какъ только за знатное жалованье. Я предлагаю вамъ мои услуги, и обязываюсь вашего сына въ

теченіи трехъ или четырехъ лѣтъ выучить всему вышеупомянутому мною. — Родитель мой обрадовался его предложенію. Онъ зналъ превосходную пастыря сего нравственность; съ благодарностію принялъ его предложеніе, пригласилъ его ходить въ замокъ и преподавать мнѣ свои уроки.

Вскорѣ началъ я въ предлагаемыхъ мнѣ наукахъ отлично успѣвать. Къ десятилѣтнему возрасту не только могъ я хорошо знать Рос-

сійскую словесность, но и Латинскій языкъ. Мой учитель, видя рвеніе мое къ наукамъ и хорошіе успѣхи, по окончаніи обыкновенныхъ уроковъ обучалъ меня читать и писать по Латынѣ и по Гречески. Сей благочестивый пастырь довольствовался самою умѣренною платою: не болѣе тридцати рублей въ годъ получалъ онъ отъ родителя моего.

Когда минуло мнѣ десять лѣтъ, то настоящій мой учитель, могшій бы безъ со-

мнѣнія самъ продолжать долѣе мое ученіе, изъ похвальной скромности и, помня званіе своего ученика, требующее другихъ наукъ, рѣшился представить меня родителю и напомнить ему о нужномъ для меня образованіи. Въ семъ намѣреніи, пришедъ къ намъ въ домъ, сказалъ онъ отцу моему: « Милостивый Государь! вашъ сынъ обучился уже тѣмъ знаніямъ, кои были ему нужны. Теперь изволите искать такого иностранца, которой бы могъ окончить его воспитаніе и преподать ему выш-

нія науки.» — Родитель мой благодарилъ его чрезмѣрно и просилъ съѣздить съ нимъ въ городъ, чтобы вмѣстѣ пріискать тамъ достойнаго учителя. Онъ согласился съ нами ѣхать, и мы на другой день всѣ трое отправились въ Астрахань.

Пр бывши въ древнюю сію столицу Татарской области, мы разослали немедленно людей узнать объ иностранцахъ, ищущихъ учительскихъ мѣстъ. Въ этомъ случаѣ былъ я также счастливъ, какъ и

въ первоначальномъ моемъ обученіи. Слуга, отправленный съ сею коммисіею, встрѣтился нечаянно съ однимъ иностраннымъ Барономъ, путешествовавшимъ много, жившимъ нѣсколько въ Петербургѣ, и пріѣхавшимъ въ Астрахань искать себѣ счастія и приняться въ какой нибудь домъ.

Баронъ, узнавъ отъ посланнаго желаніе наше, немедленно прибылъ къ намъ. Родитель мой, нещадившій ни-

чего для моего воспитанія, услышавъ отъ священника, что пріѣхавшій иностранецъ въ самомъ дѣлѣ былъ весьма ученъ и знающъ во многихъ наукахъ, рѣшился дать ему требуемую имъ сумму. Сумма сія довольно была велика: онъ хотѣлъ получать ежегодно двѣ тысячи пять сотъ рублей. Отецъ мой далъ ему особенное отдѣленіе покоевъ: ибо онъ имѣлъ съ собою довольно большое собраніе географическихъ, математическихъ и астрономическихъ машинъ, инструментовъ, трубъ; так-

же весьма немалую библіотеку. Сверхъ всего этаго, родитель мой опредѣлилъ еще къ нему особенную услугу, экипажъ, верховыхъ лошадей и мѣсто, для разведенія ботаническаго сада.

Мы жили двѣ недѣли въ Астраха и Родитель мой въ семъ случаѣ не преставалъ оказывать свою щедрость. Посѣщая ежедневно съ Барономъ и священникомъ публичныя мѣста, старался онъ тамъ дѣлать всякаго рода благодѣянія: раздавалъ ней-

мущимъ деньги, покупалъ для своихъ домашнихъ подарки, и не оставлялъ ни одной новой книги, чтобъ ее не купить и не взять съ собою.

Наконецъ отправились мы въ Астрахань, возвратились въ замокъ, гдѣ первая насъ встрѣтила новорожденная отца моего дочь, а моя сестра. Такимъ образомъ, по возвращенiи нашемъ, долженствовали мы провесть еще нѣсколько дней въ праздникахъ.

Баронъ узнавъ, что жила

у насъ Англичанка, имѣвшая у себя сына, долженствовавшаго сотовариществовать мнѣ въ наукахъ, былъ тѣмъ обрадованъ. Немедленно подружился онъ съ нею, и общество наше увеличилось.

Я и теперь не могу безъ слезъ воспоминать о добромъ согласіи, царствовавшемъ въ нашемъ замкѣ. Почти каждый вечеръ священникъ прихаживалъ къ Барону и занимался съ нимъ разными разговорами, по большой части относившимися къ ученымъ предметамъ.

предметамъ. Оба они хорошо и свободно говорили по Латинѣ; но Баронъ былъ свѣдущѣе въ наукахъ; сверхъ свѣтскихъ знаній, какъ то: Математики, Физики, новѣйшихъ нарѣчій, зналъ онъ совершенно древніе языки, и имѣлъ обширныя свѣденія въ древности.

Англичанка, отдавши сына своего въ полную волю Барона, также нерѣдко дѣлывала намъ компанію. Родитель мой, съ своей стороны, очень часто приглашалъ къ себѣ Ба-

рона, священника, Англичанку; и угощалъ всѣхъ ихъ лучшимъ образомъ Я могу сказать, что ни одна недѣля не проходила безъ праздниковъ, нарочно приуготовленныхъ. То ѣзжали мы къ сосѣдственнымъ дворянамъ; то принимали къ себѣ гостей, пріѣзжавшихъ иногда къ намъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, также изъ Астрахани; въ семъ городѣ извѣстно было о гостепріимствѣ родителя моего. Многіе путешественники приглашаемы бывали имъ, и проживали по нѣскольку дней въ

нашемъ замкѣ. Мы проводили довольно весело время, и не теряли его напрасно.

Молодой Б., учившійся со мною, также успѣвалъ хорошо въ наукахъ. Отецъ мой далъ слово матери его, опредѣлить его въ службу, и, по достиженіи приличныхъ къ оной лѣтъ, отправить обоихъ насъ вмѣстѣ въ Петербургъ. Хотя и сія причина побуждала Англичанку не скучать въ нашемъ домѣ; однако можно сказать, что всѣ у насъ жили въ полномъ удовольствіи.

Я хочу здѣсь замѣтить одну вещь, которая можетъ легкомысленному человѣку показаться маловажною; но въ самомъ дѣлѣ особенное заслуживаетъ вниманіе. Въ нашемъ замкѣ было шесть разныхъ библіотекъ: родитель мой имѣлъ у себя особую, составленную по большой части изъ Рускихъ книгъ всякаго рода; Баронъ имѣлъ обширную; родительница моя также собственную свою; Англичанка также; я и товарищъ мой Б. имѣли въ своихъ комнатахъ по особой библіо-

мечки. И всѣ мы снабжали другъ друга своими книгами. Сверхъ прочихъ предметовъ нашего единодушія, сей единъ можетъ въ чувствительную душу вселить любовь и почтеніе къ мѣсту моего воспитанія.

Вотъ бывшій нашъ образъ жизни: мы вставали рано, ходили съ Барономъ и товарищемъ моимъ Б. ежедневно гулять. По прогулкѣ вступали въ классъ, продолжавшійся не болѣе двухъ часовъ, и начинавшійся всег-

да труднѣйшими предметами; потомъ завтракали, и опять занимались столько же часовъ науками. Передъ обѣдомъ давали намъ на волю два часа гулять или читать что нибудь. Послѣ обѣда въ пять часовъ вечера совершенно оканчивали мы нашъ классъ, и могли опять идти гулять. Но мы, по доброй нашей волѣ, приняли намѣренїе посвящать три дни въ каждой недѣли особенному чтенїю, и тѣмъ споспѣшествовать своимъ успѣхамъ. Баронъ, имѣвшїй натурально болѣе нашего въ

книгахъ свѣденія, показывалъ намъ только сочиненія, а заниматься уже ими брали мы собственно на себя.

Обширность замка вмѣщала въ себя довольно большое пространство земли, позволившее родителю моему, сходственно съ желаніемъ Барона, отдать ему нѣкоторую изъ онаго часть. Онъ немедленно употребилъ ее на ботанической садъ. Всѣ жившіе въ нашемъ замкѣ имѣли нѣкоторую собственность: Баронъ имѣлъ особое отдѣленіе

покоевъ и разведенной имъ садъ; Англичанка также. И я не оставался совершенно празднымъ: биралъ у своего учителя сѣмена, сажалъ ихъ и разводилъ цвѣтники. Родитель мой, имѣя склонность ко всему тому, что споспѣшествовало къ образованію ума человѣческаго, съ помощію Бароновыхъ наставленій, успѣлъ столько развесть различныхъ плодовъ, что мы въ скоромъ времени нашлись въ полномъ съ этой стороны изобиліи, и могли еще ссужать своихъ знакомыхъ.

Свѣденія Барона вспомоществовали также и хозяйственнымъ дѣламъ родителя моего. Баронъ имѣлъ всѣ, относившіяся къ земледѣлію, домостроительству, новымъ открытіямъ книги, споспѣшествовавшія новымъ нашимъ заведеніямъ. Я не думаю, чтобъ можно было помѣщикамъ пренебрегать сими сочиненіями: многія изъ нихъ подаютъ новыя мысли и помогаютъ приводить въ дѣйствіе планы, могущіе приносить неотрицательную пользу. Безъ сомнѣнія хозяй-

ственная книга не обогатитъ вдругъ читающаго ее. Но ктожь можетъ сего требовать? Всѣ вещи сего міра подлежатъ великому старанію и неусыпности. Безъ сихъ душевныхъ дѣйствій невозможно ничего пріобрѣсть, и никто ни въ чемъ не успѣетъ.

Чтожь касается собственно до меня, то я съ самыхъ молодыхъ моихъ лѣтъ получилъ непреоборимую склонность къ просвѣщенію. Сталъ прилѣжно читать книги, и въ скоромъ времени обогатился

достаточными свѣденіями. Узнать поверхностно различныя науки не дѣлаетъ большаго труда, но чтобъ отлично, въ какомъ бы то не было, успѣть знаніи или искусствѣ, нужно имѣть великое и неусыпное прилѣжаніе.

Теперь даже не могу я вспомнить, безъ потрясенія всѣхъ моихъ чувствъ, благополучнаго того времени, въ коемъ протекали года моего образованія. Ахъ! счастливыя минуты, дѣтства! съ какимъ восторгомъ я воспоминаю

васъ! Какъ пріятно приводить ихъ себѣ на память, и то развивавшееся понятіе, которое снабдило насъ свѣденіями!

Всѣ люди желаютъ что нибудь новое узнать. Взгляните въ разсужденіи сего на общество простолюдимовъ. Посмотрите, съ какимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ ожидаютъ они другъ отъ друга новостей, которыя бы могли удовлетворить зрѣнію или, по крайней мѣрѣ, слуху ихъ. Душев-

ное сїе желанїе находится у всѣхъ въ равной степени.... Но не позволено ли мнѣ будетъ здѣсь помѣстить такое примѣчанїе, которое рѣдко большой части людей приходитъ въ голову!... Оно состоитъ въ слѣдующемъ: мы, которые получили отъ предковъ нашихъ преимущественное состоянїе и знатный достатокъ, не должны ли мы чувствовать цѣну сего благополучїя? А, чувствуя онаго цѣну, не обязаны ли мы усердную дань благодарности приносить Вышнему Существу,

благоизволившему поставить насъ на ту степень, которая доставляетъ намъ толь неизреченныя выгоды? Ахъ! еслибы къ сему предмету имѣли мы болѣе вниманія, то какихъ бы не избѣгли золъ, столь много и столь сильно потрясавшихъ общества!

Я провелъ семь лѣтъ съ Барономъ въ замкѣ, и приобрѣлъ многія въ послѣдствіи времени знанія, приносившія мнѣ существенную пользу; выучилъ совершенно Латинской и Греческой языки,

также новѣйшіе: Французской, Англинской, Италіянской и Нѣмецкой; получилъ достаточныя свѣденія въ Исторіи, Географіи, Математикѣ, и желалъ бы еще долѣе заниматься ученіемъ; но родитель мой, имѣвшій въ Петербургѣ много знакомыхъ и друзей, объявилъ мнѣ желаніе свое видѣть меня въ Государственной службѣ. Тогда сталъ я обращать свое вниманіе на другой предметъ, и готовиться къ новому роду жизни.

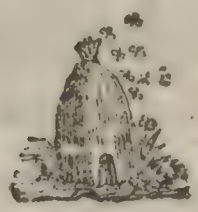
Такимъ образомъ обще-

ству нашему надлежало въ скоромъ времени разлучиться. Я съ Барономъ, имѣвшимъ намѣреніе возвратиться въ Петербургъ и съ товарищемъ ученія моего Б., долженствовавшимъ также вступить со мною въ службу, начали приуготовляться къ отъѣзду. Англичанка расположилась съ прочими своими дѣтьми остаться въ замкѣ. Священникъ, собесѣдовавшій всегда намъ, взялъ на себя утѣшать нашихъ родителей и молиться за всѣхъ Богу. Родитель мой обѣщался часто къ намъ пи-

сать и увѣдомлять насъ какъ о домашнихъ, такъ и о тѣхъ предметахъ, которые мы также не безъ сожалѣнія оставляли.

Приуготовленія наши къ отъѣзду продолжались около года. Въ теченіи сего времени успѣли мы запастись всѣми нужными намъ вещами. Барону подарилъ отецъ мой прекрасную повозку и, оцѣнивъ ботанической его садъ, внесъ ему за оной знатную сумму денегъ. Товарища моего Б. не оставилъ онъ также безъ

подарковъ и снабдилъ его всѣми потребностями. Въ семъ случаѣ долженъ я, къ чести родителя моего, упомянуть, что онъ весьма любилъ щедрость, и хотя пристрастенъ былъ къ домостроительству; но всегда съ усердіемъ вспомоществовалъ неимущимъ, и не упускалъ ни единаго случая къ благотворенію.



ГЛАВА II.

Вступленіе мое въ службу, и странныя приключенія.

Между тѣмъ, какъ мы готовились уже разлучиться, вдругъ радостное извѣстіе о повышеніи меня съ товарищемъ моимъ Б. чинами, обрадовало всѣхъ насъ, и остановило на нѣкоторое время отъѣздъ. Родитель мой повелѣлъ изготовить все нужное къ знатному пиршеству, пригласилъ къ себѣ

много знатныхъ особъ и нѣсколько дней провелъ съ ними въ праздникахъ.

Помышляя, что въ скоромъ времени надобно будетъ мнѣ явиться въ большой свѣтъ, не упускалъ я ни одной минуты безъ размышленія о семъ предметѣ и собиралъ всѣми силами нужныя къ тому свѣденія. Мы были записаны въ Гвардію, и слѣдственно долженствовали жить для службы въ Петербургѣ. Я зналъ, что служба эта будетъ мнѣ оставлять довольно свобод-

наго времени, и потому разполагался обращать его въ свою пользу, не упуская тѣхъ случаевъ, которые станутъ способствовать приобрѣтенію новыхъ свѣдецій.

Баронъ, проведшій болѣе семи лѣтъ въ замкѣ, и жившій во все это время въ полномъ удовольствіи, съ немалымъ прискорбіемъ готовился его оставить. Онъ предложилъ родителю моему сопровождать меня, и прожить нѣсколько со мною въ Петербургѣ. Сей городъ былъ ему

извѣстенъ. Онъ имѣлъ въ немъ много знакомыхъ, прибывшихъ изъ чужихъ краевъ, и основавшихся тутъ. Родитель мой съ крайнимъ удовольствїемъ принялъ его предложенїе, и просилъ его не оставлять меня своими наставленїями.

Наканунѣ нашего отъѣзда отецъ мой, призвавъ меня къ себѣ, говорилъ мнѣ слѣдующее: «Сынъ мой! ты готовишься вступить въ большой свѣтъ; будь остороженъ въ своихъ поступкахъ;

Помни нравственныя правила, занятыя тобою какъ изъ книгъ, такъ и отъ почтеннаго нашего пастыря. Будь набоженъ; помни, что Богъ свыше будетъ надзирать надъ твоими поступками; награждать станетъ тебя за добрыя дѣла, и наказывать за худыя. Будь благотворителенъ, щедръ, кротокъ, терпѣливъ, рачителенъ къ своей должности. Не забывай никогда, что хотя много видѣлъ ты въ книгахъ людскихъ пороковъ; но гораздо больше ихъ увидишь

въ обществѣ. Слѣдуй благоразумнымъ совѣтамъ Барона. Имѣй къ нему почтеніе, и не забывай наставленій, преподаваемыхъ твоимъ родителемъ, любящимъ тебя и желающимъ тебѣ благополучія.»

Я съ благоговѣніемъ слушалъ слова его, и принялъ твердое намѣреніе хранить ихъ непоколебимо. Наконецъ наступилъ тотъ день, въ которой, разпрощавшись со всѣми домашними, сѣли мы въ свой экипажъ и отправились благополучно въ путь.

Мнѣ было тогда около осмнадцати лѣтъ. Я не зналъ еще никакихъ страстей. Умъ мой напитанный чтенїемъ древнихъ писателей, стремился находить нѣкоторыя подобїя въ представлявшихся ему предметахъ. Египетскїя пирамиды, Аѳинскїй ареопагъ, Римская капитолїя и всѣ достопамятности, много занимающїя насъ въ дѣтствѣ, живо изображались въ умѣ моемъ и понуждали его находить въ видимыхъ предметахъ остатки величественной древности.

Не видавъ, кромѣ Астрахани и окрестныхъ селеній, другихъ мѣстъ, съ любопытствомъ взиралъ я на всѣ встрѣчавшіеся мнѣ въ дорогѣ предметы. Но какъ скоро чувства наши тупѣютъ? На третій день новость сія нестолько уже меня трогала. Такъ все то, что подлежитъ чувствамъ, въ скоромъ времени прискучиваетъ! И, ежели человѣкъ не имѣетъ душевныхъ силъ, могущихъ предолѣвать внутреннее его уныніе, то вскорѣ становится онъ со-

жалѣнія достойною тварію.

Проѣзжая многія города приходилъ я въ глубокое размышленіе о мѣстоположеніи оныхъ, объ ихъ основаніи, о произхожденіи и древности тамошнихъ жителей. Сличалъ въ умѣ моемъ различныя поколѣнія народовъ. Размышлялъ о первобытномъ ихъ состояніи, о постепенномъ просвѣщеніи, о тѣхъ великихъ людяхъ, которые изобрѣтали полезныя знанія. Исторія, читанная въ теченіи одного года со вниманіемъ,

доставить уму человѣческому пищу на цѣлую его жизнь. Древлѣ путешествовали Пиѳагоры и Платоны; и они отправлялись иногда на востокъ обучать свои колоніи.

Рѣки, встрѣчавшіяся мнѣ на пути, возбуждали благоговѣніе мое къ Высочайшему Существу, столь премудро облагодѣтельствовавшему земныхъ жителей. Величественная Волга приводитъ взоръ нашъ въ изумленіе. Она превосходитъ прочія рѣки нашего Государства длиною

своею, и доставляемою ею отечеству пользою.

По благополучномъ путешествіи прибыли мы наконецъ въ Москву, сію древнюю столицу Россійскихъ Монарховъ. Баронъ уговорилъ меня прожить въ ней трое сутокъ. У него было въ семъ городѣ много знакомыхъ иностранцевъ, имѣвшихъ собственныя свои дома въ Нѣмецкой слободѣ. Мы посѣщали ихъ. Тутъ имѣлъ я случай получать мѣстныя привѣтствія въ разсужденіи знанія моего языка.

Мы посѣщали также всѣ публичныя мѣста. Сїе происходило въ 1744мъ году. Москва уже имѣла много ученыхъ заведенїй. Величїе Московскихъ соборныхъ церквей приводило меня въ восторгъ. Бывая во внутренности Кремля услаждался я зрѣнїемъ на древнїя сїи зданїя, напоминавшїя намъ о добродѣтеляхъ тѣхъ великихъ людей, кои воздвигнули ихъ. Что значило, размышлялъ я самъ въ себѣ, величїе капитолїи въ сравненїи съ священными сими мѣстами?

Здѣсь обитаетъ истина, а тамъ хранилось невѣжество. Здѣсь царствуетъ чистѣйшее исповѣданіе превосходнѣйшей религіи, а тамъ существовало жалостное обоготвореніе бездушныхъ кумировъ. Съ сими и подобными идеями хаживалъ я ежедневно посѣщать Кремль!

Въ бытность мою въ Москвѣ имѣлъ я случай видѣть славныхъ, по тогдашнему времени, питателей: Гдъ. Тредіяковскаго и Буслаева. Въ томъ домѣ, гдѣ имѣлъ

я съ ними свиданіе, оказывали имъ отличное уваженіе. Мы пріѣхали съ Барономъ къ обѣду и нѣсколько рано; однако общество было уже многолюдно. Меня ласкали, какъ пріѣзжаго молодаго человѣка. Нѣкоторые разсказывали другъ другу, что Гда. Тредіяковскій и Буслаевъ будутъ къ обѣду. Услышавъ сіи имена сердечно я радовался. Читавъ нѣкоторыя ихъ сочиненія чрезмѣрно желалъ я увидѣть ихъ самихъ. Наконецъ прибыли сіи ученые.

Вскорѣ сѣли мы всѣ за

столъ и, по окончанїи обѣда, вступилъ я съ Господиномъ Тредїяковскимъ въ особенной разговоръ. Онъ былъ чувствительно тронутъ тѣмъ, что просвѣщенїе распространялось въ Россїи, и что молодой Астраханецъ, воспитанный въ отдаленной отъ столицъ странѣ, имѣлъ порядочныя свѣденїя. Неоднократно принимался онъ хвалить выговоръ мой Французскаго языка; а когда узналъ отъ подошедшаго къ намъ Барона, что я также свободно говорю и на древнихъ языкахъ:

то принялъ больше во мнѣ участія, и спросилъ съ видомъ удивленія: Вы, имѣя такія знанія, хотите вступить въ военную службу? — Я отвѣчалъ ему, что хотя и чувствую непреоборимую склонность къ наукамъ; но обязанъ исполнять волю моего родителя, желающаго непремѣнно видѣть меня военнымъ человѣкомъ. — Я сожалѣю объ этомъ, отвѣчалъ онъ, вы гораздо болѣе бы принесли пользы и себѣ и обществу при Министрѣ иностранныхъ дѣлъ. — Прощаясь со мною, про-

силъ онъ меня посѣтить его въ Петербургѣ, куда вскорѣ долженъ онъ былъ отправиться, и продолжать тамъ съ нимъ знакомство. Гнъ. Тредіяковскій былъ весьма ученъ, и имѣлъ превосходныя свѣденія; но не былъ въ Россійской словесности столько счастливъ, сколько Гнъ. Ломоносовъ.

Послѣ сего продолжали мы еще нѣсколько дней съ Барономъ посѣщать различныя мѣста. Наконецъ, осмотрѣвъ всѣ Московскія

достопамятности, отправились мы въ путь, и надѣялись въ непродолжительномъ времени пріѣхать въ Петербургъ. Но судьба совсѣмъ противное готовила моимъ желаніямъ, и предназначала мнѣ удивительное теченіе жизни моей.

Мы проѣхали благополучно Тверь, Торжокъ, Новгородъ, и надѣялись въ скоромъ времени достигнуть Петербурга; какъ вдругъ, около четырехъ часовъ по полудни, возстала ужасная буря. Горизонтъ

зонтъ покрылся мрачными тучами, засвистали вѣтры, поднялись вихри и дождь ручьями полился. Громъ, раздававшійся въ пространствѣ воздуха, ежеминутными ударами, потрясалъ даже землю подъ ногами нашими. Молнія, освѣщавшая временами распростершуюся всюду темноту, представляла въ необыкновенномъ видѣ всѣ являвшіеся зрѣнію нашему предметы. Во время сего, почти сверхъ естественнаго смѣшенія стихій, бросилась на насъ шайка разбойниковъ, изъ двадцати

или болѣе человѣкъ состоявшая и, не давъ намъ времени придти въ оборонительное состоянїе, съ непонятною скоростїю перевязала всѣхъ нашихъ людей и насъ самихъ.

Хотя не былъ я отъ природы робокъ; однако, страшная буря и внезапное нападенїе сихъ людей привели меня въ безпамятство. Бывъ нѣсколько времени въ семъ положенїи, наконецъ я опомнился и увидѣлъ себя въ каретѣ, ѣдущей довольно скоро и за-

крытой со всѣхъ сторонъ. Будучи связанъ, лежалъ я въ ней, и не могъ ни на что покуситься. Сколько различныхъ размышленій наполняли тогда мой умъ! Какъ живо представлялось воображенію моему непостоянство видимыхъ вещей! « Увы! говорилъ я самъ себѣ, теперь я собственно завишу отъ Провидѣнія, и люди, а наипаче родственники мои не могутъ уже мнѣ помочь! Къ чему теперь послужитъ мнѣ богатство моего родителя? Какую пользу получу отъ знакомства и

друзей его? Можетъ быть, чрезъ нѣсколько минутъ разбойники лишатъ меня жизни! Можетъ быть, заведутъ въ отдаленную страну и продадутъ въ неволю!.... Что воспослѣдуетъ тогда съ моимъ родителемъ? Что воспослѣдуетъ со мною?....» — Но вдругъ карета остановилась и два человѣка, стоявшіе позади ее, соскочили, отворили дверь и сказали мнѣ тихо, что всѣ мои усилія будутъ тщетны, и что я долженъ въ молчаніи слѣдовать за ними. — Я не произнесъ ни

одного слова, вышелъ изъ кареты, и обѣщался имъ, знакомъ головы, не прекословить въ ихъ волѣ.—

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, подошли мы къ одной крестьянской избѣ, въ которую намъ надлежало войдти. Я успѣлъ замѣтить, что не было уже со мною никого изъ тѣхъ людей, которые взяты были изъ дому родителя моего, также ни Барона, ни товарища моего Б. — Карета, привезшая меня, запряжена была въ во-

семь лошадей. Новой сей экипажъ состоялъ изъ двухъ сопровождавшихъ меня людей и двухъ повозщиковъ, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье, всѣхъ вооруженныхъ пистолетами и саблями.

Меня привели въ дурную избенку и развязали тутъ. Видя глубокую мою задумчивость, крайнее изнеможенїе въ силахъ, не дѣлали уже мнѣ ничего огорчительнаго и обращались со мною довольно ласково и дружелюбно. Выславши хозяевъ вонъ, подали

мнѣ азїятское платье, велѣли немедленно въ него одѣться, и начали изъ привезеннаго нами запаса приуготовлять обѣдъ. Въ теченїи сего времени подали мнѣ книгу, которую, какъ ни печаленъ, какъ ни слабъ тогда я былъ, но съ радостїю принялъ. Человѣкъ, замѣтившїй изобразившееся на лицѣ моемъ удовольствїе, сказалъ мнѣ, что въ каретѣ находится много книгъ. Притомъ прибавилъ онъ: «не извольте ничего опасаться: вы ѣдете въ такое мѣсто, гдѣ вамъ чрезвычай-

но будетъ весело. Вы увидите тамъ людей, коихъ во всякое время и по доброй своей волѣ пожелали бы видѣть. Но не дѣлайте мнѣ никакихъ вопросовъ, ибо я не могу имъ удовлетворить. Я лишусь жизни; если дерзну открыть вамъ истину.»—

Поблагодаривъ сего человѣка за поданную имъ мнѣ надежду, сталъ я читать. Потомъ, принявъ нѣсколько пищи, и отдохнувъ немного послѣ обѣда, отправились мы опять въ неизвѣстной мнѣ

путь. Въ то время, какъ садился я въ карету, тотъ же человѣкъ указалъ мнѣ большой чемоданъ съ книгами, долженствовавшими, прибавилъ онъ, служить къ вашимъ услугамъ.

Точно въ такомъ же образѣ жизни продолжали мы одинадцать сутокъ нашъ путь. Я не занимался уже никакими встрѣчавшимися мнѣ предметами; а большую часть времени проводилъ въ чтенїи книгъ, къ удивленїю моему; совершенно еще неизвѣстныхъ мнѣ.

Наконецъ въ двѣнадцатыя сутки подъѣхали мы ночью къ огромному зданію, имѣющему подъемный мостъ и окруженному глубокими рвами. Лишь только увидѣли со стѣнъ замка нашу карету, то немедленно опустили мостъ, отворили ворота и впустили насъ на пространный дворъ. Подъѣхавъ къ великолѣпнымъ палатамъ, стоявшимъ въ отдаленности отъ воротъ, отворили мою карету и, не давъ мнѣ ни мало осмотрѣться, взяли меня подъ руки и ввели въ бо-

гато-убранные покои. Въ комнатахъ горѣло множество восковыхъ свѣчь въ стѣнныхъ подсвѣчникахъ.

Тутъ подали мнѣ богатое мужское платье, шитое на азїятской манеръ и просили въ него одѣться. Потомъ показали мнѣ девять покоевъ, изъ коихъ три наполнены были книгами. Со всею вѣжливостїю объявили мнѣ, что всѣ находившїяся тутъ вещи опредѣлены къ моимъ услугамъ. Служители, сдѣлавъ мнѣ низской поклонъ, удалились

и заперли за собою послѣднюю дверь. Я остался одинъ и ходилъ взадъ и впередъ по симъ комнатамъ. Въ одной изъ оныхъ стоялъ накрытый столъ, уставленный множествомъ кушанья и напитковъ. Разсматривая красоту окружавшихъ меня со всѣхъ сторонъ предметовъ, приходилъ я въ восхищенїе. Въ восторгѣ моемъ сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, опрокинулъ стоявшїй позади меня стулъ, который упавъ, разбилъ нѣкоторые изъ стоявшихъ на столѣ графиновъ,

и произвелъ немалой стукъ. Я вздрогнулъ, и въ самое это время боковая дверь махинально отворилась, и представила взору моему женской портретъ, приведшій меня въ удивленіе. Я приближился, и увидѣлъ изображенную въ немъ столь превосходную красавицу, какую до сего времени въ мысляхъ не представлялъ себѣ никогда.

Портретъ сей показывалъ женщину во весь ея ростъ, одаренную всѣми прелестями природы. Она стояла на

возвышенномъ мѣстѣ. Большое собраніе народа и различныхъ чиновниковъ съ почтеніемъ принимали отъ нея повелѣнія. Въ одной рукѣ держала она вѣнецъ, и подавала его предстоявшему ей мужу, имѣвшему величественный и почтенный видъ. Казалось, простирала она къ нему слѣдующія, внизу портрета изображенныя слова: *Прими, достойный мужъ, сей вѣнецъ и храни права его.* — Красота неизвѣстной сей особы и необыкновенной видъ картины произвели во

мнѣ любопытство узнать подробнѣе изображенное на ней произшествіе. Я забылъ свое положеніе и нужную для подкрѣпленія силъ моихъ пищу. Устремивъ взоръ мой на картину, р[illegible]ялъ бы я, можетъ быть, еще долѣе; если бы вдругъ разтворившійся полъ не представилъ мнѣ въ настоящемъ видѣ приводившую меня въ удивленіе красавицу. При внезапномъ семъ появленіи, едва было не лишился я разсудка и, упавъ предъ нею на колѣна, вскричалъ: Ахъ! Богиня!

По нѣкоторомъ съ обѣихъ сторонъ молчанiи, незнакомка прервала оное:« Встаньте, Государь мой, сказала она мнѣ, успокойтесь! Вы видите обыкновенную предъ собою женщину, желающую вамъ всякаго добра! — Вы не отвѣчаете мнѣ; или хотите, чтобъ я удалилась?» — Ахъ! нѣтъ, милостивая государыня, вскричалъ я въ восторгѣ, отнюдь нехочу, чтобъ вы удалились! Напротивъ того желаю сердечно быть съ вами.—Тутъ взяла она меня за руку и приближилась со мною къ картинѣ.

» Вы видите, сказала она, изображенную здѣсь Мемет-зариму, бывшую Золотой Орды Царицу. Можетъ быть это приводитъ васъ въ удивленіе? Можетъ быть желаете вы знать, давно ли была она на свѣтѣ? Какъ долго царствовала? Какому отличному мужу вручила свой вѣнецъ? Для чего она это сдѣлала? Жива ли теперь, или уже не существуетъ? И отъ чего на меня походитъ? — Я увѣрена, государь мой, продолжала она говорить, что всѣ сіи вопросы занимаютъ

вашъ умъ. Вы весьма желаете также знать, кто я такова? Для чего вы сюда привезены? Какая причина заставила такъ съ вами поступить? Не безпокойтесь, вы въ скорое время все узнаете.—

« Сей портретъ имѣетъ такое сходство со мною потому, что списывалъ его съ меня въ Петербургѣ лучшій живописецъ. Привезть я васъ сюда велѣла отъ того, что, за два года назадъ, бывъ съ вами въ одномъ домѣ, получила я къ вамъ склонность.

Я разспрашивала о вашемъ состоянiи, и узнала, что родитель вашъ непремѣнно желаетъ васъ видѣть въ военной службѣ. Такимъ же образомъ склонность ваша къ наукамъ сдѣлалась мнѣ извѣстна. Я вздумала ею воспользоваться; и въ теченiи двухъ лѣтъ приуготовляла все нужное къ вашему прибытiю. Купила сей домъ, убрала его лучшимъ образомъ, снабдила всѣми книгами, могущими занимать васъ и усовершенствовать ваши познанiя. Ежели поступила я въ семъ случаѣ

дерзско; то надѣюсь, что уважите мою страсть къ вамъ, и простите меня. Склонность, подобная вашей, заставила меня оставить отечество и поселиться въ Россіи. Сверхъ того даю вамъ обѣщаніе доставлять вашему родителю письма отъ васъ, и утѣшать его въ нечаянной вашей отлучкѣ: всѣ мѣры мною къ тому приняты. Вы не потеряете ничего со стороны службы. И ежели вы мнѣ дадите честное слово прожить со мною десять лѣтъ въ здѣшнемъ замкѣ; то

можете пользоваться совершенною свободою. » — Я не сталъ колебаться, и далъ ей немедленно торжественное обѣщанїе слѣдовать во всемъ благотворительнымъ ея наставленїямъ.

» Пойдемте, сказала она мнѣ; вамъ теперь нужно подкрѣпить свои силы. Я васъ дожидалась и не ужинала. » Мы сѣли за столъ. Разговаривали о многихъ предметахъ, обнаружившихъ мнѣ отличное ея свѣденїе. Она говорила прекрасно на многихъ языкахъ; бы-

вала въ разныхъ Европейскихъ Дворахъ. Имѣла множество случаевъ видѣть славнѣйшихъ ещихъ, знаменитѣйшихъ особъ, и отличнѣйшихъ артистовъ. Въ теченіе сего ужина могъ я легко замѣтить, что было еще много на свѣтѣ такихъ вещей, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

По окончаніи ужина, спросила она меня люблю ли я ее? Какъ мнѣ васъ не любить! вскричалъ я въ восторгѣ. И въ самомъ дѣлѣ почувство-

валъ я въ непродолжительное сїе время такую сильную къ ней страсть, какой до сего времени еще никогда не ощущалъ. Впрочемъ, всякой молодой человѣкъ удобно можетъ воспламениться любовью къ той женщинѣ, которая особенную оказываетъ къ нему благосклонность.

Она хотѣла совершенно узнать настоящее мое мнѣнїе и всѣ мои желанїя. Видя ее въ семъ расположенїи, началъ я ей говорить слѣдующее: «Милостивая государы-

ня! не взирая на приказанїе ваше увезть меня, чувствую я къ вамъ непреодолимую склонность; вы можете по своей волѣ располагать моими поступками. Я обѣщаюсь жить съ вами, и не выступать изъ вашихъ повелѣнїй. Представьте себѣ, могъ ли я подумать, что самая та буря, которая на Петербургской дорогѣ привела меня въ крайнїй страхъ, и что тотъ поступокъ вашихъ людей, которой довольно былъ наглъ, послужатъ единственно къ совершенному моему благополучїю?

Теперь, милостивая государыня, позвольте мнѣ возобновить желанїе мое слышать отъ самихъ васъ удивительное ваше похожденїе. »

Очень хорошо, отвѣчала она мнѣ; и, взявъ меня за руку, ввела въ великолѣпно-убранной покой, въ которомъ стоялъ богатой диванъ. Хотя было довольно уже поздно; однако не хотѣла она оставить крайняго моего желанїя слышать ея исторїю.

Пригласивъ меня сѣсть под-

лѣ себя, начала она мнѣ разсказывать ее слѣдующимъ образомъ: « Я была около года Царицею Золотой Орды. Я происхожу отъ славныхъ тѣхъ Хановъ, которые въ теченіе многихъ вѣковъ царствовали въ Казани. Россійской Государь покоривъ сіе царство, желалъ распространить Христіянской законъ, и повелѣвалъ всѣмъ новымъ своимъ подданнымъ принимать его. Обѣщалъ большія выгоды тѣмъ, которые добровольно послѣдуютъ его повелѣніямъ. Но нашъ народъ,

издревлѣ будучи приверженъ къ невѣжеству и суевѣрію, не охотно слѣдовалъ сему намѣренію. Многія толпы онаго, поощряемыя упрямыми и своевольными Муфтіями, воспламенялись болѣе усердіемъ къ ложному своему исповѣданію. Собравши свои пожитки и составивъ довольно многочисленныя общества, удалились въ извѣстныя имъ степи. Тамъ время увеличило ихъ число. Они избирали по волѣ своей начальниковъ; начальники сіи, или Ханы, неоднократно воевали съ Россіянами. Дѣлы-

вали набѣги въ Россїю, и успѣли накопить знатныя сокровища. Наконецъ Алефъ, родитель мой, проводившїй жизнь свою частїю у Крымскаго Хана, частїю у Россїянъ, увидѣлъ себя вдругъ Ханомъ богатой и сильной Орды. По смерти его всѣ единодушно избрали меня Царицею. Тѣлесныя мои искусства плѣнили моихъ подданныхъ, и заставили ихъ немедленно вручить мнѣ власть надъ собою. Можетъ быть, любезной мой Улабиръ, ты удивляешься знанїю моему въ

Россійскомъ и въ прочихъ Европейскихъ языкахъ; но сіе не заслуживаетъ удивленія: я имѣла случай выучиться многому. Теперь сдѣлаю тебѣ краткое описаніе тѣхъ мѣстъ въ которыхъ произведена я на свѣтъ.

»Въ долинахъ, лежащихъ вокругъ льдистыхъ Кавказовъ, представляющихъ взору людей вѣчный сводъ кристалей, находится одно возвышенное мѣсто, сдѣланное самою природою неприступнымъ. Ужасные рвы, прорытые бы-

БИБЛІОТЕКА И. И. и В. И. РУГЕВИЧЪ.

стрыми потоками, низвергающимися стремительно съ высотъ, и несущимися въ проложенныя ими издревлѣ бразды, окружаютъ со всѣхъ сторонъ сїе возвышенїе, имѣющее одинъ только узской и немногимъ извѣстной проходъ. Солнечное сїянїе, освѣщая сїи громады льдовъ, кажется, паденїе лучей своихъ на нихъ притупляетъ. Ужасныя и безпрестанныя бури потрясаютъ необитаемыя сїи мѣста. Нерѣдко вихри, устремлявшїеся на слабыя наши жилища, поднимали ихъ

на воздухъ и уносили съ собою. Свистъ вѣтровъ, ревъ низвергающихся съ горъ потоковъ, ударенія сталкивающихся вихрей, причиняютъ столь ужасное смѣшеніе стихій, что самые неустрашимѣйшіе воины стараются иногда укрываться, и ищутъ себѣ убѣжища въ пещерахъ, какъ будто нарочно для того произведенныхъ природою.

» Въ сей странѣ я произведена была на свѣтъ. Родитель мой, получившій отъ природы отличный разумъ, и

посѣщавшій различныя страны, получилъ еще въ молодости своей нѣкоторыя познанія. Небольшое его просвѣщеніе доставило ему преимущество надъ прочими его соотечественниками. Они хранили къ нему особенное уваженіе, и считали его весьма свѣдущимъ человѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, ежели сравнивать его съ другими начальниками Орды, то непремѣнно надлежало бы назвать его мудрецомъ. Въ пребываніе свое у Крымскаго Хана, не упускалъ онъ ни одного случая

пріобрѣтать новыя свѣденія. Сей Ханъ былъ человѣкъ сластолюбивый и проводилъ свое время во всѣхъ азіятскихъ роскошахъ. Отецъ мой, имѣвшій предъ глазами сей жалкій примѣръ человѣческой слабости, спасалъ себя помощію разсудка, и всѣми силами убѣгалъ короткаго съ нимъ обращенія. Оказывая ему наружную почесть, не терялъ своего времени напрасно, и снабжалъ себя тѣми науками, которыя въ будущія времена могли бы ему принесть пользу. Онъ нау-

чился искусному правленію народовъ. Узналъ Крымскіе и Турецкіе законы, и прочелъ множество Восточныхъ авторовъ. Сперва выучилъ совершенно Турецкой и Арабской языки, а потомъ пріобрѣлъ прочія свѣденія, доставившія ему ту честь, которою пользовался онъ у своихъ соотечественниковъ.

» Между тѣмъ сообщество и разговоры съ Греками открыли ему тщету Магометанскаго исповѣданія. Въ одно путешествіе свое въ Грецію

принялъ онъ Христіянскій законъ, и до конца жизни пребылъ въ немъ непоколебимо. Въ видѣ Россійскихъ бѣглецовъ держалъ онъ у себя троихъ церковнослужителей. Подвластный ему народъ не разумѣлъ ни Россійскаго языка, ни писменъ; и потому родитель мой въ младенчествѣ моемъ удобно могъ меня научить всему тому, чему нужно ему казалось меня наставить.

»Родитель мой, занявъ въ Азіи множество свѣденій,

необходимыхъ своему сану, не преминулъ также научиться и Европейскимъ обычаямъ. Въ царствованіе Петра Великаго бывалъ онъ въ Россіи, и проживалъ тамъ по нѣскольку лѣтъ. Въ теченіе сего времени успѣлъ онъ выучиться тремъ или четыремъ Европейскимъ языкамъ, которые потомъ послужили ему къ пріятному препровожденію времени въ дикихъ степяхъ. Всякой разъ возвращался онъ въ свою отчизну со множествомъ накупленныхъ имъ книгъ. Въ пребываніе свое въ

Москвѣ

Москвѣ или Петербургѣ не упускалъ ни одного случая знакомиться съ учеными. Всѣми силами стремился онъ пріумножать свои познанія. Одинъ нечаянной случай познакомилъ его съ такимъ человѣкомъ, которой приносилъ ему тогда истинное удовольствіе, а послѣ доставилъ величайшую пользу.

»Я хочу обстоятельно разсказать вамъ сіе произшествіе. Этотъ случай доставилъ отцу моему мирную жизнь, которую проводилъ

отъ въ старости, и то просвѣщеніе, которое я въ молодости моей получила. Я бы не имѣла удовольствія тебя видѣть, любезный мой Улабиръ!... — «Ахъ, милостивая государыня! прервалъ я. Возможно ли, чтобъ отъ произшествія, возпослѣдовавшаго съ родителемъ вашимъ въ Петербургѣ, заимствовалъ я счастіе васъ видѣть?—»Такъ точно, отвѣчала Меметзарима. Хотя еще вы не были тогда на свѣтѣ, и вашъ родитель находился въ Россійской службѣ; однако я обя-

вана сему случаю тѣмъ, что васъ вижу и съ вами разговариваю. Дѣйствіе всегда бываетъ послѣ причины. Обратите нѣсколько вниманіе свое на произшедшую недавно революцію въ нравственности. Я вамъ ее представлю.

»Цѣпь всѣхъ видимыхъ существъ назначена Премудрымъ оныя Творцемъ къ такому теченію, которое долженствуетъ всегда обращать ее къ лучшей цѣли. Равное дѣйствіе произходитъ и въ разумныхъ существахъ, имѣ-

ющихъ неотрицательно премудрѣйшее еще назначенїе. Сколько вѣковъ протекло въ совершенномъ невѣжествѣ! Сколько прошло такихъ столѣтїй, въ которыя люди, дѣлая всевозможныя усилїя къ просвѣщенїю, едва могли прїобрѣсть себѣ слабыя понятїя о вещахъ! Наконецъ, вдругъ Европа озарилась новымъ свѣтомъ. Южныя страны увидѣли въ нѣдрахъ своихъ возникшїя искусства и науки; Сѣверъ, лишенный на нѣкоторое время сихъ благодѣянїй природы, не остал-

ся совершенно забвеннымъ: явился ПЕТРЪ и съ нимъ геній просвѣщенія! Сей великій Государь, назначенный Провидѣніемъ къ преобразованію своего народа, вскорѣ далъ ему совершенно новой видъ. Будучи вдохновенъ необыкновеннымъ геніемъ, возвысилъ и утвердилъ славу и величіе Россіянъ, ввелъ въ свое отечество всѣ тѣ науки, коими такъ долго гордились Южныя страны.

» Алефъ, родитель мой, не былъ столько счастливъ въ

разсужденіи своего народа; однако и онъ могъ себя утѣшать приобрѣтеннымъ имъ познаніемъ. Науки и въ дикихъ степяхъ приносили ему величайшее утѣшеніе и пользу. Теперь я обращаюсь къ тому произшествію, которое споспѣшествовало общему нашему благополучію.

» Въ бытность родителя моего въ Петербургѣ, Россійскій Государь часто прогуливался съ нимъ по городу. Множество иностранцевъ, допускаемыхъ во дворецъ, искали дружества родителя мо-

его и прихаживали къ нему. Отецъ мой, любившій все относившееся къ просвѣщенію, дѣлывалъ имъ взаимныя посѣщенія и бывалъ иногда у нихъ. Въ одинъ вечеръ, просидѣвъ большую часть онаго въ домѣ нѣкоего Голландца, возвращался онъ къ себѣ довольно уже поздно, на дорогѣ увидѣлъ онъ стоявшаго въ глубокой задумчивости человѣка, утиравшаго платкомъ своимъ текущія изъ глазъ его слезы. Природное родителя моего состраданіе, и приобрѣтенныя имъ въ законѣ Христіян-

скомъ познанія, убѣдили его подойдти къ сему огорченному человѣку. Другъ мой! сказалъ онъ ему на Россійскомъ языкѣ: конечно какая нибудь важная потеря заставляетъ тебя проливать горкія слезы? — Незнакомый съ учтивымъ видомъ отвѣчалъ ему знакомъ руки, что онъ не понималъ его словъ. Тогда родитель мой заговорилъ съ нимъ по Нѣмецки, и разговоръ ихъ происходилъ въ слѣдующемъ содержаніи:

» Вы конечно иностранецъ,

продолжалъ говорить родитель мой, и лишились чего нибудь? — Такъ, милостивый государь, отвѣчалъ сей человѣкъ. Я иностранный купецъ, имя мое Киръ; я лишился всего моего имѣнія.—Для чегожъ предаетесь вы такому отчаянію? Сказалъ родитель мой. Есть много злополучныхъ людей, и если бы всѣ они стали такъ печалиться, то въ половинѣ города были бы слышны однѣ только вопли и жалобы! — Я согласенъ съ вами, отвѣчалъ онъ, что болѣе несчастныхъ

въ свѣтѣ, нежели счастливыхъ; однако, ежели вы узнаете мои приключенія, то согласитесь меня причислить къ первымъ.- Родитель мой позвалъ его къ себѣ, и услышалъ отъ него слѣдующее:

— » Мое отечество Голландія, говорилъ онъ; я родился въ Гарлемѣ, лежащемъ за три мили отъ Амстердама. Отецъ мой, обращавшійся въ торговлѣ и посѣщавшій многія иностранныя земли, могъ легко усмотрѣть пользу просвѣщенія и наукъ. Живши въ своемъ домѣ, прилагалъ онъ

всевозможное стараніе къ лучшему воспитанію своихъ дѣтей; онъ имѣлъ ихъ шестнадцать человѣкъ. Шесть моихъ сестеръ выданы были за мужъ; а девять братьевъ посвятили себя въ званіе родителя моего. Я изъ всѣхъ былъ меньшой, и чувствовалъ въ себѣ совсѣмъ другую склонность; будучи еще тринадцати лѣтъ свободно я уже говорилъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Страсть, полученная мною еще въ дѣтствѣ къ наукамъ, понудила меня выпросить у ро-

дителя моего позволенїе вступить въ Лейденской Университетъ, въ которомъ и пробылъ я до настоящаго усовершенствованїя моего въ наукахъ. Я полюбилъ ученое званїе, и не хотѣлъ имѣть никакого другаго состоянїя. Выучился древнимъ и новѣйшимъ языкамъ, и всѣмъ тѣмъ знанїямъ, кои преподаваемы были въ семъ мѣстѣ. Въ послѣднїе года моего тутъ пребыванїя, не требовалъ я уже ничего отъ родителя на мое содержанїе; напротивъ того самъ посы-

лалъ къ нему знатныя суммы денегъ. Много друзей родителя моего посѣщали меня, и возвращались всегда съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Находясь въ семъ Университетѣ, получалъ я знатныя суммы, простиравшіяся иногда до десяти тысячь рублей въ годъ; большую половину отсылалъ я къ моему родителю. На остававшіяся же у меня деньги заводилъ я порядочную библіотеку, и покупалъ всѣ тѣ вещи, кои ученому нужно и должно имѣть. Убралъ свои покои прекрасною ме-

белью; и проводилъ жизнь, приличную маленькому Принцу, пользующемуся знатными доходами.

—«Родитель мой, видя мои успѣхи, радовался и оставлялъ меня въ покоѣ. Между тѣмъ, на присылаемую къ нему ежегодно отъ меня сумму, купилъ онъ мнѣ домъ, приносившій болѣе пяти тысячъ талеровъ годоваго дохода. Всѣ знакомые родителя моего удивлялись избранному мною роду жизни, и моему поведенію. Я не слѣдовалъ обыкновеніямъ моихъ

соотечественниковъ: не любилъ куреніе табаку, употребленіе пива и прочаго, признаваемаго мною безполезнымъ. Съ семнадцатилѣтняго еще моего возраста, напитавшись уже чтеніемъ древнихъ, поставилъ я себѣ за священное правило убѣгать всего того, что могло хоть мало разслаблять чувственные мои органы. Строгой мой образъ жизни привлекъ вниманіе начальниковъ Университета, и доставилъ мнѣ довольно знатную по лѣтамъ моимъ репутацію.

»Благополучное это состоянїе продолжалось со мною до тридцати лѣтъ; не выѣзжая изъ отечества, пятнадцать провелъ я въ Грецїи: выучить древнїе языки, узнать ихъ совершенно, значитъ переселить себя въ другое общество, въ другой народъ, существовавшїй за два или за три десятка вѣковъ. И чѣмъ болѣе мы тогда усматриваемъ разныхъ поколѣнїй, обрядовъ, нравовъ и обычаевъ; тѣмъ болѣе возносимся къ Верховному Существу, и познаемъ убѣдитель-

нѣе истину Христїянскаго Закона. Человѣкъ, занимающїйся сими предметами, ходитъ, обращается, спитъ, бодрствуетъ не въ своемъ уже отечествѣ; но въ той странѣ, въ которой обращаются его мысли.

»Я продолжалъ жить въ прїятномъ семъ упражненїи. Отказывался отъ каждаго предлагаемаго мнѣ новаго званїя, и даже отъ чиновъ Университетскихъ. Всежь это дѣлалъ я не отъ гордости и самолюбїя, но по особенной склон-

ности къ наукамъ. Я хотѣлъ быть свободенъ. Получающіе разныя достоинства обязываются также исправлять различныя должности: они обязаны говорить рѣчи, писать диссертаціи и преподавать лекціи. Чтожь касалось до меня, то я платилъ за себя деньги, чтобы долѣе оставаться въ званіи простаго ученика; состояніе это доставляло мнѣ свободу, и весьма споспѣшествовало моимъ успѣхамъ.

—«Наконецъ родитель мой

сталъ убѣдительно требовать отъ меня повиновенія, и предложилъ мнѣ вступить въ бракъ съ одною дѣвицею, имѣвшею многія достоинства и порядочное состояніе. Я послѣдовалъ его желанію и женился. Первой годъ провели мы очень благополучно; потомъ жена моя родила мнѣ сына, и мы продолжали еще жить довольно хорошо; но, когда познакомилась она съ богатыми людьми, пріобрѣтшими достатокъ свой торговлею: то начала убѣждать и меня испытать

въ оной своего счастія. Она совѣтовала мнѣ продать мое помѣстье и накупить товаровъ; однако я не могъ скоро сего сдѣлать; а вступилъ въ товарищество одного знатнаго мореплавателя, и продолжалъ съ нимъ пять лѣтъ торговать благополучно. Большой мой сынъ всегда находился со мною, и обучался при моихъ глазахъ; но вдругъ послѣдовалъ несчастной оборотъ въ нашей торговлѣ, и я въ одну минуту лишился большой половины моего имѣнія. Несчастіе сіе произошло

отъ кораблекрушенія. Товарищъ мой менѣе сожалѣлъ объ сей потерѣ, и предлагалъ еще мнѣ въ заемъ знатную сумму для найма съ нимъ новаго корабля. Но я немедленно принялъ другое намѣреніе и отправился въ Россію. Люди, имѣвшіе дарованіе, нашли въ Государствѣ семъ выгодное убѣжище. Подобно имъ хотѣлъ я прибѣгнуть къ Россійскому Государю, предложить ему мои услуги и требовать отъ него покровительства. —

»Родитель мой выслушалъ

внимательно его повѣствованіе. Усмотрѣвъ въ немъ великія дарованія и обширныя свѣденія, сказалъ ему слѣдующее: — Вамъ не льзя сомнѣваться, любезной Киръ, чтобъ Россійской Государь не далъ вамъ приличное мѣсто и содержаніе; но сей Государь имѣетъ уже при себѣ много иностранцевъ, и вы въ скоромъ времени не можете ему сдѣлаться извѣстнымъ. Не согласитесь ли вы ѣхать къ другому владѣльцу, претерпѣвающему великой недостатокъ въ разсужденіи

просвѣщенныхъ людей? Онъ предстоитъ предъ вами, ожидаетъ вашего согласія, и немедленно отправитъ къ вашей супругѣ такой подарокъ, которой съ избыткомъ наградитъ вашу потерю. — Тутъ родитель мой объяснилъ Киру намѣренія свои и планы. Склонилъ его принять предлагаемую имъ сумму и, по нѣкоторомъ времени, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ наше отечество.

»Вотъ, любезный мой Улабиръ, отъ чего получила я

тѣ свѣденія, кои васъ удивляли. Въ прибытіе Кира въ нашу Орду была я еще въ самомъ младенчествѣ. Три человѣка и разныхъ вѣръ образовали первые два года моей жизни. Киръ, исповѣдывавшій Кальвинскій законъ, былъ главный мой учитель, назиравшій надъ прочими моими наставниками, и обучившій меня Европейскимъ языкамъ. Россійской словесности и закону училъ меня Русской священникъ, вывезенный родителемъ моимъ изъ Россіи. Третій мой учитель былъ

Муфти, выгнанный за нѣкоторыя бездѣльства изъ Константинополя, и прибѣгнувшій подъ покровительство родителя моего. Будучи десяти лѣтъ, говорила я уже свободно по-Турецки и по-Русски. До осмнадцатилѣтняго моего возраста, Киръ жилъ съ нами, и усовершенствовалъ мои познанія. Такимъ образомъ въ дикихъ пустыняхъ и между грубѣйшимъ народомъ существовало общество, употреблявшее въ своихъ разговорахъ почти всѣ Европейскіе языки.

»Наконецъ родитель мой, побуждаемый благодарностїю приказалъ дать Киру знатную сумму денегъ и, въ сопровожденїи своихъ подданныхъ, отправилъ его въ отечество. Остальные свои дни отецъ мой проводилъ въ тишинѣ и спокойствїи. По кончинѣ его, возпослѣдовавшей въ 1734 году, почувствовала я ужасную скуку. Хотя всѣ единодушно избрали меня Правительницею Орды; но я, побывъ въ семъ достоинствѣ не болѣе года и, замѣтивъ отличныя дарованїя нѣкоего чинов-

ника, вручила ему свой вѣнецъ, и власть свою надъ народомъ. Собравъ оставшееся у меня имѣнїе и пригласивъ съ собою тѣхъ людей, кои научены были нѣсколькимъ языкамъ, отправилась съ ними въ Петербургъ. Прибывъ благополучно въ сей городъ, сыскала я немедленно искуснаго живописца, и велѣла ему написать тотъ портретъ, которой вы видѣли. Достатокъ мой позволялъ мнѣ дѣлать большїя издержки. Я завела въ Петербургѣ хорошее знакомство. Отлич-

ныя особы, ученые люди, лучшіе артисты посѣщали мой домъ; я жила весьма весело и роскошно. По истеченіи двухъ или трехъ лѣтъ пребыванія моего въ семъ городѣ, поѣхала я въ чужіе края.

Посѣщая почти всю Европу, видѣла множество достопамятностей; имѣла обращеніе съ славнѣйшими, по тогдашнему времени, людьми, и въ 1742 году возвратилась въ Россію. Въ семъ Государствѣ захотѣла я также посмотрѣть нѣкоторыя мѣста. Въ это путешествіе

увидѣла я тебя и полюбила, любезный мой Улабиръ. Я бы никакъ не отважилась такъ съ тобою поступить, если бы напередъ совершенно не узнала образа твоего мыслей. Я признаюсь тебѣ, что я много сожалѣла о намѣренiи твоего родителя, желавшаго непремѣнно имѣть тебя въ военной службѣ. Наслышавшись о твоемъ знанiи въ наукахъ, рѣшилась я открыть тебѣ новый путь. Теперь зависитъ отъ тебя воспользоваться моимъ планомъ. Ты даже ничего не потеряешь и

со стороны службы. Наслаждайся удобнымъ симъ случаемъ, и усовершенствуй себя во всѣхъ наукахъ. Между тѣмъ дай мнѣ слово, что будешь слѣдовать моимъ совѣтамъ, и проживешь добровольно со мною десять лѣтъ?» — Ахъ, милостивая государыня! вскричалъ я. Вы меня восхищаете! Возможно ли мнѣ не слѣдовать вашимъ наставленіямъ? Хотя бы не имѣлъ я никакой къ вамъ привязанности, такъ единая благодарность заставила бы меня исполнить вашу волю.

По какому-то удивительному сцѣпленію вещей, вы совершенно сдѣлали то, чего я самъ весьма желалъ. Видѣть васъ и быть съ вами — есть для меня величайшее благополучіе!... — Симъ кончился нашъ разговоръ.

Мемет зарима предложила мнѣ идти спать. Мы провели прекраснѣйшую ночь; я былъ счастливѣйшій изъ смертныхъ!.. О вы, которые строгимъ окомъ взираете на погрѣшности людей, не порицайте Мемет зариму!

Вспомните, что подобныя слабости заслуживаютъ нѣкоторое извиненіе, когда соединены онѣ бываютъ съ чувствомъ добродѣтели, съ возвышенностію мыслей, съ такою цѣлію, которая дѣлаетъ человѣка лучшимъ. Не поносите оную строго тогда, когда тысяча противныхъ страстей здравому разсудку раздираютъ человѣческія сердца! Я обращаюсь къ моей повѣсти:

Мы продолжали съ Мемет-заримою жить наипріятнѣй-

щимъ образомъ. Чтенїе книгъ, разговоры о важнѣйшихъ предметахъ нравственности, политики, составляли лучшую часть нашего времени препровожденїя. Мы имѣли превосходную и обширную библїотеку. Большую половину времени проводили въ ней. Сверхъ того, мы имѣли еще множество другихъ занятїй. Верховая ѣзда, рыбная ловля, прелестные сады представляли намъ отличныя и восхитительныя увеселенїя.

Но что я скажу о тѣхъ осо-

бахъ, которыя составляли наше общество? Все, что можете себѣ представить лучшаго, находилось въ нихъ: чистѣйшая нравственность, высочайшее просвѣщеніе, обширнѣйшія свѣденія блистали въ ихъ разговорахъ, и наполняли мой умъ удивленіемъ и благодарностію къ Мемет-заримѣ, доставившей мнѣ толь удобный случай къ усовершенствованію моему. Вы, можетъ быть, меня спросите, откуда взялось это общество?— Я самъ не могъ надивиться, какъ могла Ме-

Метзарима склонить столько особъ сотовариществовать ей въ уединенномъ семъ мѣстѣ: ибо я тогда думалъ, что замокъ нашъ находился въкакомъ-нибудьотдаленномъ отъ столицъ городѣ. Но загадка сія послѣ открылась, и я болѣе еще удивился искусству, разуму и честности превосходной моей благодѣтельницы.

Дни наши текли на подобіе тѣхъ, кои по баснословію проводятъ въ поляхъ Елисейскихъ. Чтобы придать

болѣе привликательности нашему обществу, ни одинъ Кавалеръ не могъ въ него вступать безъ Дамы. Какъ бы вы думали, господинъ Читатель, сколько такихъ паръ составляли наше общество?— Болѣе двухъ сотъ! — Это конечно приведетъ васъ въ удивленіе! Но я самъ въ теченіи десяти лѣтъ не преставалъ сему удивляться. Каждую недѣлю по два раза съѣзжалось такое къ намъ собраніе. Мы имѣли собственныхъ музыкантовъ, танцовщиковъ и комедіянтовъ, всѣхъ

одаренныхъ

одаренныхъ блистательнымъ искусствомъ. Я не могъ тогда судить въ точности объ ихъ дарованіяхъ; но послѣ, находившись уже въ публичныхъ Европейскихъ зрѣлищахъ, сравнивалъ ихъ, и находилъ, что увеселявшіе меня въ замкѣ артисты ничемъ не уступали искуснѣйшимъ Европейскимъ.

Я думаю, что не непріятно будетъ читателю узнать положеніе удивительнаго сего замка. Онъ былъ обнесенъ глубокими рвами; окружность его состояла въ нѣсколькихъ

верстахъ. Во внутренности онаго находился пространный дворъ; въ одномъ углу манежъ; по обѣимъ сторонамъ большїе сады, наполненные разнаго рода деревьями, басейнами, фонтанами, увеселительными домиками. Выходя изъ замка, видны были однѣ пространныя поля; едва ли въ десяти верстахъ отъ онаго находилось какое-то селенїе.

Однако читатель мой не обидится, если перестану я описывать это мѣсто-

положеніе: другія обстоятельства и цѣлое теченіе жизни моей намѣренъ я ему представить; довольно будетъ, когда скажу, что въ семъ очаровательномъ замкѣ провелъ я десять лѣтъ; безъ всякаго любопытства и не скучая никому вопросами, проводилъ я въ немъ время въ полномъ удовольствіи. Надежда не оставляла меня ни на часъ, и всегда показывала вдали прелестнѣйшую мнѣ перспективу.

Въ одно утро Меметзари-

ма пришла въ мою комнату и, съ спокойствіемъ взглянувъ на меня, начала мнѣ говорить слѣдующее: « Любезный другъ! сказала она мнѣ, покажи теперь ту философическую твердость, которую ты всегда любилъ, которою всегда восхищался! . . «— Я, догадавшись, хотѣлъ было отвѣчать; но она, прервавъ мои слова, продолжала такимъ образомъ: » Безполезно будетъ тебѣ изъяснять то, что я сама чувствую! Вооружись, любезный мой Улабиръ, мужествомъ! Представь себѣ,

что я не менѣе твоего страдаю. Лѣта мои и усердіе даютъ мнѣ нѣкоторое право подать нужныя тебѣ наставленія. Ты долженъ немедленно ѣхать въ Петербургъ и явиться къ тому человѣку, которому объяснила я всѣ твои обстоятельства. Ты возмешь отъ меня къ нему письмо. Я тебѣ еще болѣе скажу, ты видалъ его неоднократно. Мы находимся не въ дальнемъ разстояніи отъ Риги, и многія особы, составлявшія наше общество, пріѣзжали сюда изъ сего города,

а другія изъ Петербурга. По прибытіи твоемъ въ сію столицу, ты получишь очень скоро мѣсто въ Иностранной Коллегіи. Тебѣ данъ уже по лѣтамъ твоимъ чинъ, и родитель твой не преминетъ къ тебѣ писать. Что жь касается до меня, продолжала говорить Мемет-зарима, то я отправлюсь теперь же въ Москву. Писать ко мнѣ ты не будешь имѣть надобности; но мѣстопребываніе мое останется тебѣ извѣстнымъ: въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы

купила я себѣ помѣстье; въ немъ разположусь я жить; составлю себѣ небольшое изъ разумныхъ людей общество, и не прежде, какъ по истеченіи десяти-лѣтняго срока, позволяю тебѣ къ себѣ пріѣхать. Прощай, мой другъ, вотъ тебѣ письмо къ Гну. Д. Повозка уже готова. Не мѣшкай!» —

Въ самое это время отворилась дверь, и два человѣка въ дорожномъ платьѣ вошли въ мою комнату, подали мнѣ такое же платье, и

хотѣли меня одѣвать въ оное; но я оставался неподвижнымъ. Мемет зарима удалилась. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ ее болѣе до того времени, которое въ послѣдствіи моей повѣсти будетъ показано. Погрузясь въ глубокую задумчивость, я едва могъ примѣтить, что человѣкъ, начавшій меня одѣвать, былъ тотъ же самой, которой привезъ меня въ замокъ. « Мы ѣдемъ въ Петербургъ, сказалъ онъ мнѣ. Вы весьма печальны, милостивый государь? — Не праздуали сказы-

валъ я вамъ, что то мѣсто, въ которое сопровождалъ я васъ за десять лѣтъ назадъ, вамъ очень понравится. « — Я отвѣчалъ ему однѣми слезами. Но онъ смѣялся.» Ахъ, милостивый государь! продолжалъ онъ говорить: Прилично ли вамъ оказывать мужества менѣе женщины? Бывшая наша госпожа съ равнодушіемъ отправилась въ Москву. Слышите ли М. Г. уже зазвенѣли колокольчики!» . . . . Я тотъ же часъ бросился къ окну, и что же увидѣлъ? — Мемепзарима съ ве-

селымъ лицемъ высунулась изъ кареты, и кричала мнѣ: *счастливый путь, мой другъ, счастливый путь!* . . . . . Я упалъ почти въ безпамятствѣ на стулъ! Спустя нѣсколько минутъ пришелъ въ себя, сѣлъ въ повозку и отправился въ назначенный мнѣ путь.

Я не знаю, какъ мы выѣхали изъ замка. Я ничего не могъ видѣть и ничего слышать. Ужасное унынїе овладѣло всѣми моими чувствами. Чрезъ сутки сдѣлался

я столько слабъ, что не могъ продолжать далѣе дороги. Мы остановились на квартирѣ, весьма бѣдной и лишенной всѣхъ тѣхъ пособій, которыя бы могли меня подкрѣпить. Человѣкъ, сопровождавшій меня, видя мое жестокое уныніе и слабость, не говорилъ мнѣ ни слова; но я могъ замѣтить, что онъ иногда молился Богу. Сіе его упражненіе вдругъ подало мнѣ новую мысль! Я сталъ тоже дѣлать, и въ скоромъ времени отъ горести, снѣдающей сердце мое, ощу-

тилъ я облегченіе. Ахъ! я было забылъ, что есть Вышнее Существо, подающее скорую помощь тѣмъ, которые съ истиннымъ усердіемъ къ нему прибѣгаютъ!

Увы! дѣйствіе страстей заглушаетъ въ молодомъ человѣкѣ данныя ему при воспитаніи правила! Корабль, носимый бурными вѣтрами, спасается иногда искусствомъ корабельщика; но случаются и такія бури, въ кои весь человѣческій разумъ и силы остаются без-

полезными. Точно то же происходитъ и въ нравственномъ мірѣ; бываютъ такія страсти, кои человѣкъ не можетъ никакъ преодолѣть. Хотя строгая нравственность можетъ удобно насъ защищать отъ нихъ; но въ какія лѣта и при какихъ еще обстоятельствахъ? Нерѣдко случаются въ свѣтѣ и такія встрѣчи, въ которыя и строжайшая добродѣтель подпадаетъ искушенію.

Наконецъ сдѣлался я нѣсколько веселѣе, и началъ бо-

лѣе разговаривать съ сопровождавшимъ меня человѣкомъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что Меметзарима дешево продала свой замокъ одному небогатому помѣщику и отцу многочисленнаго семейства; что взятую съ него сумму отдала въ руки богатыхъ и честныхъ людей, коимъ препоручила раздать ее бѣднымъ; и что всѣмъ служившимъ въ замкѣ даны знатные подарки и немалое награжденіе. «И я, милостивый государь, продолжалъ говорить добросердечный мой проводникъ,

получилъ отъ бывшей нашей госпожи такое состоянїе, которое обезпечиваетъ меня на всю мою жизнь. Я былъ отставленъ отъ службы, говорилъ онъ, частїю за собственныя мои погрѣшности, частїю по стеченїю обстоятельствъ. Въ Петербургѣ узналъ я Мемензариму, которая подавала милостыню бѣднымъ Офицерамъ. Замѣтивъ мою молодость, предложила она мнѣ тогда жить въ ея домѣ, и отправлять нѣкоторую

должность; но большой городъ причинялъ мнѣ много искушенїй, и я впадалъ иногда въ погрѣшности. Мемет-зарима удостоивала меня своими совѣтами и приводила въ разсудокъ. Наконецъ пребыванїе мое въ замкѣ совершенно меня исправило. Теперь я имѣю достатокъ, и могу жить благополучно. Вотъ, милостивый государь, моя исторїя. Представьте, сколько я обязанъ доброй моей госпожѣ!»

Разговаривая такимъ об-

разомъ дорогою, прибыли мы благополучно въ Петербургъ. Тутъ нашелъ я всѣхъ моихъ людей, продолжавшихъ жить на квартирѣ, нанятой имъ Барономъ, уѣхавшимъ еще за пять лѣтъ назадъ въ чужіе края. Они всѣ чрезвычайно мнѣ обрадовались, и немедленно разсказали, что деньги на свое содержаніе получали отъ неизвѣстнаго человѣка. Неизвѣстной сей человѣкъ предстоялъ предъ ними: онъ былъ мой проводникъ, доставлявшій имъ отъ Мемет-заримы назначенную отъ ней

сумму. Сотоварищъ моего ученія Гнъ. Б., сынъ Англичанки, жившей въ домѣ родителя моего, проводилъ все это время въ службѣ, и перешелъ изъ Гвардіи въ Инженерной Корпусъ, въ которомъ дослужился уже Маіорскаго чина. Онъ немедленно явился у меня на квартирѣ, и мы съ неописаннымъ удовольствіемъ обняли другъ друга.

ГЛАВА III.

Вторичное вступленіе мое въ службу.—Бракъ товарища ученія моего Гна. Б.— Отъѣздъ мой къ родителю моему.— Возвращеніе въ Петербургъ.—

На другой день пріѣзда моего въ Петербургъ, пошелъ я съ даннымъ мнѣ отъ Мемет-заримы письмомъ къ Гну. Д. Я былъ принятъ имъ очень ласково и учтиво. По прочтеніи врученнаго ему мною письма, сказалъ онъ мнѣ: «Государь мой!' прибытіе ваше ве-

личайшее приноситъ мнѣ удовольствіе! Я уже два дни дожидался васъ, и находился въ большемъ безпокойствѣ; но теперь чрезмѣрно радъ, что вы здоровы и благополучно сюда пріѣхали. Я васъ поздравляю съ чиномъ и должностію. Завтра извольте явиться къ Министру Б.» При сихъ словахъ отдалъ онъ мнѣ пакетъ съ патентомъ на полученной мною чинъ. Онъ просилъ меня обходиться съ нимъ на дружеской ногѣ, и посѣщать его домъ какъ можно чаще. Наконецъ мы

съ нимъ разстались; и я возвратился на свою квартиру.

Тутъ засталъ я Гна. Б., разговаривающаго съ бывшимъ моимъ проводникомъ, и провелъ съ ними вечеръ довольно весело. Я ихъ просилъ остаться на моей квартирѣ, и жить со мною. Они приняли мое предложеніе.

На другой день, вставши рано поутру и одѣвшись приличнымъ образомъ, взялъ я наемную карету и поѣхалъ къ Министру. Прибывши въ его

домъ, не долго я дожидался и вскорѣ допущенъ былъ къ нему въ кабинетъ. По обыкновенномъ съ моей стороны привѣтствіи, сказалъ онъ мнѣ слѣдующее: «Государь мой, вашъ видъ соотвѣтствуетъ тѣмъ похваламъ, кои многократно объ васъ я слышалъ. Въ ваши лѣта рѣдко соединяютъ столь обширныя свѣденія. » —

Я благодарилъ его за то хорошее мнѣніе, которое онъ обо мнѣ имѣетъ, и увѣрялъ его, что постараюсь всевоз-

можно сдѣлаться онаго достойнымъ. — « Обходитесь со мною безъ церемонїи, отвѣчалъ мнѣ Министръ; я хочу, чтобъ вы были мнѣ истиннымъ другомъ. Я буду стараться споспѣшествовать вашему повышенїю и, ежели откроется мнѣ случай препоручить вамъ комиссїю въ чужїе края; то не премину сего изполнить. Одна извѣстная вамъ особа, которой не упоминаю имени, разсказывала мнѣ подробно о вашихъ дарованїяхъ. Я имъ удивлялся. Итакъ будьте благона-

дежны, и приходите ко мнѣ чаще обѣдать и проводить со мною время.»

Не возможно мнѣ было не благодарить Гна. Министра. Я изъявилъ ему сколько могъ лучше всю мою признательность. Открылъ также желаніе мое видѣть чужіе края, и сколько останусь ему обязанъ, если доставитъ онъ мнѣ къ тому удобной случай. Отъ Министра возвратился я въ возхищеніи. Пришедши домой увѣдомилъ я Гна. Б. о новомъ моемъ счастіи. Также и про-

водникъ мой, Г. Дѣлинъ, соучаствовалъ въ сей нашей радости. Дѣлинъ былъ отставной Офицеръ, имѣвшій родственниками у себя престарѣлую мать, и одного малолѣтнаго брата, котораго чрезъ предстательство мое хотѣлъ онъ записать въ службу. Я обнадѣжилъ его, что не премину по времени исполнить его желаніе.

Находясь одинъ въ моей комнатѣ, я много размышлялъ о полученномъ мною новомъ знатномъ чинѣ,

и не мало сему удивлялся. Я былъ уже пожалованъ Статскимъ Совѣтникомъ и сдѣланъ товарищемъ Гну. Д., которой, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, такъ благосклонно меня принялъ. Я немедленно описалъ сіе произшествіе моему родителю, и оставивъ при себѣ двухъ только человѣкъ, отправилъ прочихъ къ нему съ симъ извѣстіемъ.

Вступивъ въ новую мою должность, находился я нѣкоторое время подъ руковод-

ствомъ Гна. Д., показывавшаго мнѣ порядокъ въ производствѣ предлежавшихъ мнѣ дѣлъ. Въ непродолжительное время пріобыкъ я къ нимъ. Гнъ. Б. также сдѣлался знакомъ въ домѣ Гна. Д. Дни мои начали протекать въ полномъ для меня удовольствіи. Вскорѣ получилъ я отъ родителя моего письма, въ которыхъ съ нѣжностію упрекалъ онъ меня за долговременное мое молчаніе. Пріѣздъ мой въ Петербургъ и опредѣленіе въ службу послѣдовали въ 1754 году. Съ сего

времени вступилъ я въ новой родъ жизни. Скоро я сдѣлался знакомъ съ лучшими обществами, и проводилъ время наипріятнѣйшимъ образомъ.

По склонности моей къ наукамъ завелъ я знакомство съ отличными, тогдашняго времени, учеными. Россійская словесность начала возвышаться въ царствованіе Елисаветы Петровны. Съ 1755го года, стали издавать при Академіи наукъ первое изъ періодическихъ изданій,

подъ названіемъ: *ежемѣсячныя Сочиненія*, произведшія въ разныхъ званіяхъ охоту къ чтенію, и разпространившія кругъ обще-полезныхъ свѣденій. Михайло Васильевичь Ломоносовъ, мужъ знаменитый ученостію своею, блисталъ уже въ кругу Россійскихъ литтераторовъ.

Я бывалъ часто посѣщаемъ учеными, и проводилъ дни свои въ полной дѣятельности. Дѣлину и брату его успѣлъ я изходатайствовать такія должности, которыя

соотвѣтствовали ихъ силамъ. Первые два года пребыванія моего въ Петербургѣ протекли весьма благополучно; по наступленіи третьяго имѣлъ я удовольствіе узнать отъ Министра, что вскорѣ откроется мнѣ комисія въ чужіе края. Онъ также обѣщался меня отпустить на нѣкоторое время къ моему родителю. Я чрезвычайно былъ сему радъ. Между тѣмъ не малое принесъ мнѣ удовольствіе бракъ Господина Б. съ дочерью Гна. Д., воспослѣдовавшій въ сіе жъ самое время.

Нѣкоторыя романическія онаго обстоятельства заслуживаютъ подробнѣйшаго описанія. Еще при началѣ моего съ Господиномъ Д. знакомства, представилъ онъ Гна. Б. женѣ своей и дочери, и разсказывалъ имъ объ немъ самымъ лестнымъ образомъ. Онѣ обѣ изъявили ему удовольствіе свое его видѣть; поздравляли его съ тѣми дарованіями, которыя уже его прославили, и кои непремѣнно вскорѣ доставятъ ему вышшія достоинства. Товарищъ мой, Гнъ. Б. былъ

чувствителенъ къ похваламъ ихъ, и признавался мнѣ, что никогда не знавалъ онъ въ Петербургѣ фамиліи честнѣе, милѣе и добродѣтельнѣе этой.

Гнъ. Д. былъ разумный и простосердечный человѣкъ, хранившій въ поступкахъ своихъ совершенную откровенность. Онъ забавнымъ своимъ нравомъ подобенъ былъ дитяти. Разумъ его соотвѣтствовалъ сердечной добротѣ; слова его изъявляли чувствованія, дѣлающія до-

бродѣтель еще любезнѣйшею. Неможно было знать его и не любить. Вся наружность его представляла спокойствіе, доставляемое намъ строгимъ выполненіемъ должностей нашихъ. До семидесяти лѣтъ сохранилъ онъ ту бодрость, которую часто не имѣютъ въ сорокъ. Необыкновенныя страсти не возмутили душу его, не измѣнили свѣжести лица его. Онъ былъ обожаемъ своею супругою, любимъ, почитаемъ дочерью и всѣми своими домашними. Не имѣлъ совершенно гордо-

сти, любилъ болѣе всего добродѣтель. Надменность не затворяла сердца его къ страждущему человѣчеству. Самымъ благоразумнѣйшимъ образомъ употреблялъ онъ излишнее отъ доходовъ своихъ; раздѣлялъ оное несчастнымъ, которыхъ Провидѣніе представляло чувствительному сердцу его. Если бы число подобныхъ ему добротою людей было болѣе; то конечно бы число несчастныхъ и бѣдныхъ весьма уменьшилось.

Гжа. Д. имѣла также какъ

и мужъ ея всѣ добродѣтели: она была снизходительна, великодушна, сострадательна, щедролюбива, превозходнаго разума и веселаго свойства. Гнъ. и Гжа. Д. въ молодости своей страстно любили другъ друга, и почитали обязательства свои священными. Они дали дочери своей воспитаніе, сообразное съ ихъ свойствами и добродѣтелями. Я представлю ея портретъ:

Дѣвица Д. была еще осмнадцати лѣтъ, когда въ первой разъ Гнъ. Б. ее увидѣлъ.

Не возможно было ему смотрѣть на нее, и не ощущать сердечнаго движенія. Она была посредственнаго роста и ослѣпляющей бѣлизны. Красота ея плѣняла при первомъ на нее взглядѣ; скромность внушала къ ней почтеніе, и заставляла всякаго удивляться рѣдкимъ качествамъ ея и дарованіямъ.

Въ двухъ-лѣтнее мое пребываніе въ Петербургѣ, Гнъ. Б., видаясь часто съ прекрасною сею дѣвицею, получилъ къ ней непреоборимую склонность,

ность, и старался всѣми мѣрами скрывать свои чувствованія. Состояніе его не позволяло ему надѣяться получить ее въ замужство; онъ принялъ было благоразумное намѣреніе удаляться ея знакомства, и прервать свою страсть; но между тѣмъ радовался тайно, что никто еще не сватался за дѣвицу Д. Всѣ страсти имѣютъ нѣчто собственное; и составляютъ въ нравственномъ мірѣ особливыя области. Недолго Г. Б. наслаждался надеждою, утѣшавшею мысли его;

много жениховъ стали свататься за дѣвицу Д., и Г. Б. почувствовалъ всѣ мученія, обыкновенно въ такихъ случаяхъ ощущаемыя влюбленными; однакожь былъ столько великодушенъ и терпѣливъ, что даже и мнѣ, ближайшему своему другу, не открылъ претерпѣваемыхъ имъ мукъ. Къ счастію его, дѣвица Д. отказывала всѣмъ искавшимъ руки ея, и объявила своимъ родителямъ, что не можетъ еще рѣшиться ихъ оставить; но когда стали они убѣждать ее рѣшиться

на какой-нибудь выборъ, то дала она имъ обѣщанїе въ скоромъ времени желанїе ихъ выполнить.

Дѣвица Д. давно уже замѣтила особенную къ ней привязанность Гна. Б.; и знавши его состоянїе, не удивлялась скромности и молчанїю его. Въ одинъ день съ свойственною ей откровенностїю спросила она Гна Б.: можетъли составить она его благополучїе. — « Ахъ! милостивая государыня, вскричалъ онъ, съ той самой ми-

нуты, какъ увидѣлъ васъ, я получилъ къ вамъ такую склонность, которая вѣчно будетъ обладать мною. Но ваши родители никогда не согласятся на нашъ союзъ.»— Я хотѣла только получить отъ васъ признанїе, отвѣчала дѣвица Д; остальное беру я на себя.—Тѣмъ кончилось первое ихъ свиданїе.

Послѣ сего спустя немного времени, дѣвица Д. вошла въ комнату своихъ родителей и, бросившись къ ногамъ ихъ, говорила имъ: «Вы

можете опорочивать страсть мою, которую сами въ меня вдохнули. Вы мнѣ разсказывали безпрестанно объ отличныхъ качествахъ Гна. Б., и влїяли въ меня тѣ чувствованїя, которыя я никакъ не могу истребить! » — Нерѣшимость нѣсколько продолжалась; но вскорѣ родительская нѣжность и любовь восторжествовали надъ предразсудками: неравенство состоянїй было забыто, и Г. Б. вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Д. Когда принесъ онъ мнѣ радостное сїе извѣстїе;

то я пришелъ въ совершенное восхищенїе, и благословлялъ чистосердечно Провидѣнїе, споспѣшествовавшее благополучїю друга моего.

Въ теченїе почти трех-лѣтняго пребыванїя моего въ Петербургѣ, получилъ я давно желаемый мною отпускъ; и услышалъ отъ Министра, что по возвращенїи моемъ доставитъ онъ мнѣ коммиссїю въ чужїе края. Съ этимъ радостнымъ извѣстїемъ поспѣшилъ я къ себѣ на квартиру, гдѣ приказалъ людямъ моимъ

приуготовляться къ отъѣзду. Посѣтилъ Гна. Д., увѣдомленнаго уже о моемъ отъѣздѣ. Онъ сердечно радовался исполненію моихъ желаній, и весьма сожалѣлъ о нашей разлукѣ. Потомъ былъ я у Гна. Б., жившаго уже въ своемъ домѣ, и наслаждавшагося благополучнѣйшимъ состояніемъ. Онъ просилъ меня отвесть письма къ матери его, пребывавшей еще въ домѣ родителей моихъ. Наконецъ, по взаимныхъ увѣреніяхъ въ дружествѣ, разстался я съ моими друзьями и выѣхалъ изъ Петербурга.

Путь мой продолжался благополучно. Я проѣхалъ Москву и не останавливался нигдѣ. Я летѣлъ мысленно къ тѣмъ мѣстамъ, которыя были свидѣтелями моего рожденія. Наконецъ пріѣхалъ въ помѣстье родителя моего. Колокольчикъ возвѣстилъ приѣздъ посторонняго: ко мнѣ вышло много людей на встрѣчу, которые были весьма обрадованы прибытіемъ отпущеннаго ими Улабира, имѣвшаго уже знатной чинъ и совсѣмъ другую наружность. Многіе изъ нихъ не узнавали меня.

Когда вступилъ я въ комнаты, и увидѣлъ идущаго ко мнѣ навстрѣчу родителя моего, то почувствовалъ неизъяснимое движенїе. Я упалъ предъ нимъ на колѣна; вдругъ все случившееся со мною представилось воображенїю моему; я проклиналъ тогда тѣ удовольствїя, которыя прежде столько меня прельщали. Слезы ручьями лились изъ глазъ моихъ. Родитель мой поднялъ меня съ лицемъ, изъявлявшимъ живѣйшую радость. Сынъ мой, сказалъ онъ мнѣ, сколько времени я не видалъ

тебя! Милосердое Небо услышало наконецъ теплыя молитвы старца лѣтами согбеннаго: Оно возвращаетъ тебя въ объятія его! пойдемъ къ матери твоей, нетерпѣливо тебя ожидающей, и молившей непрестанно Провидѣніе о тебѣ. Мы вступили къ ней; и сердце мое еще болѣе приведено было въ движеніе. Мать моя приняла меня со всею родительскою нѣжностію. Сестра моя, которую еще оставилъ я въ дѣтствѣ, проливая также слезы, бросилась ко мнѣ на

шею. Самая Англичанка, увидѣвши меня, не могла удержаться, чтобъ не плакать.

По первыхъ объясненіяхъ начали меня разспрашивать о моей службѣ, образѣ жизни моей, Петербургѣ, и о всѣхъ вещахъ, возбуждающихъ любопытство людей, провождающихъ мирно дни свои въ отдаленной странѣ отъ столицъ. Мы проводили три дни въ безпрерывныхъ съ обѣихъ сторонъ разспросахъ. Англичанка была столь скромна, что въ первой день

нашего свиданія ни о чемъ меня не спрашивала; я, однако ее немедленно извѣстилъ о счастливомъ состояніи сына ея; родители мои сему извѣстію также чрезмѣрно были ради. Чтожъ касалось до самой Англичанки, то выразить неможно ея радости, удовольствія и благодарности: она не находила словъ къ изъясненію признательности своей; проливая слёзы, обнимала она попеременно то родительницу мою, то меня, то сестру мою.

Три дни сряду не выходили мы изъ той комнаты, въ которую собирались поутру; кромѣ обѣда, проводили мы въ ней все время до самой полночи, а иногда долѣе. Я не могу вообразить, не проливая слёзы, сего драгоцѣннаго времени. Боже мой! сколь бываютъ сладостны непорочныя сердцу движенія! Какъ много различествуютъ онѣ отъ тѣхъ услажденій, производимыхъ непозволенными страстями! Какое можетъ вкушать блаженство непорочное

сердце! Какъ милы, спокойны, пріятны, оживительны, восхитительны тѣ чувствованія, которыя раждаетъ добродѣтель! Какъ легко можемъ мы убѣждаться въ томъ, что наружные предметы совсѣмъ не доставляютъ истиннаго намъ благополучія, получаемаго только отъ выполненія должностей нашихъ!

Наконецъ родитель мой предложилъ мнѣ посѣтить прежняго моего наставника, находившагося уже въ глубокой старости. Мы

пришли къ нему; онъ не былъ увѣдомленъ объ моемъ пріѣздѣ. Мы застали его читающимъ Библїю; съ распростертыми руками подошелъ онъ ко мнѣ. «Въ самое нынѣшнее утро, говорилъ онъ испуская слёзы, упоминалъ я ваше имя предъ священнымъ жертвенникомъ. Трое сутокъ не видавъ вашего родителя въ храмѣ, заключилъ я, что онъ конечно не здоровъ, и хотѣлъ было нынѣ идти навѣстить его. Но какъ Небо милосердо! Оно возвращаетъ въ мои объятїя любезнаго моего питомца.— »

Я уже три дни здѣсь, отвѣчалъ я ему, и мы умышленно не увѣдомляли васъ, чтобы самимъ намъ придти къ вамъ.— Онъ пѣнялъ дружески моему родителю за эту скрытность. Мы побыли нѣсколько у него, взяли его съ собою и провели съ нимъ цѣлой день.

Я еще прежде увѣдомилъ родителя моего о всѣхъ случившихся со мною обстоятельствахъ. Онъ почти не дѣлалъ мнѣ упрековъ: ибо не собственное мое произволеніе учинило мои погрѣшности. Но

когда общій нашъ пастырь услышалъ о семъ обстоятельствѣ, то не преминулъ дать мнѣ замѣтить, какъ въ свѣтѣ самые лучшіе люди удаляются отъ истины. Положимъ, что таковыя ошибки въ обществѣ встрѣчаются часто. Однако за чемъ быть такъ малодушною? Я согласенъ, что она можетъ преступленіе свое загладить. Но позволь также мнѣ сказать, любезный Улабиръ, что толь разумная и просвѣщенная особа, какова была, по словамъ твоимъ, Меметзари-

ма, моглабы лучше что нибудь сдѣлать; покрайней мѣрѣ я доволенъ и тѣмъ, что она столь прекрасную развязку сдѣлала добровольно, и устрашилась вѣчнаго правосудія. Разговаривая такимъ образомъ посѣтили мы комнаты Барона, и садъ имъ разведенный, ходившійся еще въ добромъ порядкѣ.

По прошествіи первыхъ дней пребыванія моего въ замкѣ, родитель мой захотѣлъ праздновать мое возвращеніе. Тутъ начали насъ ежедневно

посѣщать. Домъ нашъ наполненъ бывалъ отличнѣйшими особами, изъ сосѣдства и города пріѣзжавшими; всѣ знавшіе меня въ дѣтствѣ заглушали меня своими вопросами; всѣ дивились моему счастію и знаніямъ, приведеннымъ тогда въ нѣкоторое совершенство. Я долженъ также упомянуть, что и сестра моя получила отличное воспитаніе. Англичанка снабдила ее всѣми познаніями нужными дѣвицѣ: хорошо говорила на нѣкоторыхъ языкахъ; любила заниматься нау-

ками; возъимѣла желанїе къ приобрѣтенїю новыхъ познанїй; сама склонила священника преподавать ей Латинской языкъ; платила ему за труды его самыми тѣми деньгами, которыя родители даривали ей на покупку нравившихся ей вещей.

Я имѣлъ счастїе въ бытность мою у родителей видѣть бракъ моей сестры. Одинъ чиновникъ изъ городу, давно уже искавшїй ея руки и нравившїйся ей, чрезъ мое старанїе получилъ желанїямъ

своимъ исполненіе. Мы торжествовали сей бракъ со всѣми приличными къ тому увеселеніями. Наконецъ, проведя цѣлой годъ съ моими родителями, я долженъ былъ ихъ оставить. Увы! Я простился съ ними; и съ тѣхъ поръ болѣе уже не видѣлъ ихъ! Предпринявъ обратный путь, я въ скоромъ времени явился въ Петербургѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Въ Типографіи
Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.